

ГОДЪ III.

ЮНЫЙ ЧИТАТЕЛЬ

Журналъ для дѣтей
старшаго возраста.

1901
№ 12.

15 Юня

Отъ конторы редакціи.

1. Рукописи, присылаемыя въ редакцію, должны быть четко написаны и снабжены подробнымъ адресомъ автора. Принятые рукописи, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются.

2. Лица, адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, прилагаютъ 7-ми копѣчную марку для отвѣта.

3. Гл. подписчики, живущіе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначаютъ почтовое мѣсто, куда журналъ долженъ быть адресованъ. Ответственность за исправную доставку журнала внѣ почтовыхъ мѣстъ почтамтъ на себя не принимаетъ.

4. Заявленія о неполученіи номера адресуются непосредственно въ редакцію и не позже полученія слѣдующаго №.

5. Заявленія о перемѣнѣ адреса посылаются непосредственно въ редакцію, при чемъ необходимо указать и старый адресъ. При перемѣнѣ петербургскаго адреса на петербургскій или иногороднаго на иногородный уплачивается 20 коп., а при перемѣнѣ петербургскаго на иногородный или иногороднаго на петербургскій уплачивается 40 к.

№ 12.

Ю Н Ы Й Ч и т а т е л ь

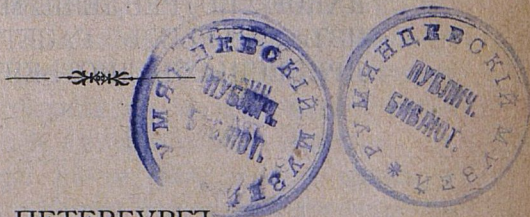
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТЕЙ СТАРШАГО ВОЗРАСТА.

15. І ю н я

1901 г.

Журналъ одобренъ Учебнымъ Комитетомъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи и допущенъ Особымъ отдѣломъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1899 г., исключая № 13, въ ученическія бібліотеки городскихъ и уѣздныхъ училищъ, въ учительскія бібліотеки начальныхъ народныхъ школъ и въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. Спб. акц. общ. печ. дѣла въ Россіи Е. Евдокимовъ. Троицкая, 18.

1901.

Содержаніе № 12.

	СТР.
I. ХУДОЖНИКЪ КОРОЧКИНЪ. (Изъ далекаго прошлаго). С. Лаврентьевой.	3
II. ДРУГЪ ЗАКЛЮЧЕННЫХЪ, ДЖОНЪ ГО- ВАРДЪ. Біографическій очеркъ Э. Пименовой. Съ портретомъ.	22
III. КАМЕННЫЙ ВОЗЪ. Башкирская легенда А. Словохотова.	39
IV. У РОДНОГО ОЧАГА. Культурно-историче- скій очеркъ. Я. Бена. Съ рисунками.	64
V. ПЕПА. Разсказъ Эрнеста Альгрень. Перев. со шведскаго О. Аносовой.	81
VI. МОЙ САДИКЪ И ОГОРОДЪ. Е. Симоновой.	86
VII. ИСТОРИЯ ОДНОГО БРИЛЛАНТА.—ЕДИН- СТВЕННАЯ ГАЗЕТА ВЪ ГРЕНЛАНДИИ.— КАКОЕ УПОТРЕБЛЕНІЕ МОЖНО СДѢЛАТЬ ИЗЪ СТАРЫХЪ ГАЗЕТЪ.—ВЕЛИЧИНА ДРЕВЕСНЫХЪ ЛИСТЬЕВЪ	91

Художникъ Корочкинъ.

(Изъ далекаго прошлаго).

ТЫ тогда жили въ провинціи, въ городѣ Т. Городъ былъ, какъ всѣ наши губернскіе города вообще, и въ тѣ времена въ особенности, съ непремѣнной Дворянской улицей, на которой одной не тонули въ грязи, въ распутицу; съ каменными домами губернатора и дворянскаго собранія и деревянными домами обывателей; съ мезонинами, тѣнистыми садами и широкими дворами; съ мягкой зеленой муравой—лѣтомъ и снѣжной дѣтской горой—зимой.

Дома даже внутри почти всѣ имѣли одинъ и тотъ же распорядокъ комнатъ и даже меблировки. Въ прихожей непремѣнный ларь, на которомъ цѣлый день торчалъ одинъ изъ „казачковъ“, съ чулкомъ въ рукахъ. Далѣе зала, съ узкими стульями, тянувшимися

вдоль стѣнъ; со сложенными ломберными столами въ простѣнкахъ оконъ; фигуристымъ паркетнымъ или „штучнымъ“—поломъ; расписнымъ потолкомъ, съ котораго спускалась люстра съ хрустальными подвѣсками, издававшими пріятный перезвонъ при движеніи, и стѣнными лампами съ масломъ, сильно коптѣвшими при горѣніи. Въ гостиной тяжелая мебель краснаго дерева, обитая или краснымъ штофомъ, или голубымъ барканомъ (смотря по состоянію); масса вышитыхъ гарусомъ подушекъ на массивномъ диванѣ, и фигуристая изразцовая печь, со статуей или урной, въ нишѣ. Кромѣ столовой, всегда была еще „чайная“, комната по настоящему совсѣмъ лишняя, такъ какъ чай пили все же въ столовой, а въ чайной только въ исключительныхъ случаяхъ. Спальни и дѣтскія чаще всего помѣщались въ мезонинѣ; тамъ же, большею частію, были „горницы“ или „свѣтелки“ взрослыхъ барышень.

Раемъ для насъ, дѣтей, была дѣтская, всегда съ огромной лежанкой въ углу, всегда жарко натопленная; съ горшками какихъ то лапчатыхъ растеній на окнахъ, гдѣ красовались и бутылки съ наливками и настойками на березовыхъ шишкахъ (отъ ревматизма, по заявленію няни), весной выставляемые тутъ на солнышко, а зимой переносившіяся на лежанку, не мѣшая старой нянѣ, Палагеѣ Ѳоминишнѣ, вскарабкаться туда, съ ногами, и оттуда повѣствовать намъ свои чудесныя сказки.

Насъ въ домѣ было шестеро дѣтей всякаго возраста и пола; и вотъ, для того, чтобы сохранить для потомства наши сытыя, довольныя рожицы, и былъ приглашенъ тотъ доморощенный художникъ, о которомъ я хочу разсказать.

Какъ и надо было предполагать, въ нашемъ захолустьи не было ни одного художника, которому можно

бы было заказать наши дѣтскіе портреты, о чемъ давно мечталъ отецъ. И потому можно представить его радость, когда одинъ знакомый сказалъ ему:

— А вѣдь я отыскалъ для васъ художника!

— Что вы?!—радостно воскликнулъ отецъ: да гдѣ же вы эдакую рѣдкость отыли?

— Предупреждаю,—продолжалъ знакомый,—художникъ онъ не важный, самоучка; ни одного урока въ жизни не взялъ; а такъ, шельмецъ, живо пишетъ, что чудо! Сама живопись плоховата, за то сходство!.. Написалъ онъ мнѣ мою Марью Сергѣевну—просто вылитая: вотъ заговорить!

— Батюшка! Давайте его сюда!—прервалъ отецъ: сходство?—Да вѣдь это главное; а что тамъ живопись: это не важно, было бы сходство; чтобы онъ мнѣ эти рожицы дорогія вѣрно изобразилъ! Да кто онъ такой? Пріѣзжій?

— Какое пріѣзжій! Крѣпостной помѣщика Каперскаго; лакеемъ прежде у него былъ, а теперь по оброку ходитъ; въ лавкѣ у купца Замыхляева конторщикомъ; а въ свободное время малюетъ. образа купцамъ пишетъ, да портреты.

И вотъ слѣдствіемъ этого разговора было появленіе у насъ, въ первое же воскресенье,—въ будни онъ былъ занятъ въ конторѣ,—художника Корочкина.

Это былъ маленькій человѣчекъ, съ узкими плечами и впалой грудью. съ маленькимъ личикомъ, напоминавшимъ мышиную мордочку. Сходство это еще дополняли черненькіе, бойко бѣгавшіе по сторонамъ, глазки и большія, смѣшно торчавшія изъ-за коротко-остриженныхъ волосъ, уши. Вся наша семья, несмотря на времена крѣпостнаго права, отличалась чрезвычайной гуманностью; а потому Корочкинъ былъ принятъ всеми

ласково, и намъ, дѣтямъ, было приказано говорить ему „вы“.

Корочкинъ тотчасъ же принялся за работу. Нужно было видѣть съ какой любовью, чуть не съ благоговѣніемъ, притрогивался онъ къ краскамъ и кистямъ! Съ большей нѣжностью, кажется, не могъ бы онъ взять на руки своего ребенка, какъ бралъ въ руки палитру, тщательно, съ расчетливой аккуратностью, выпуская на нее краски. Нужно было видѣть, какъ вспыхивали его мышинные глазки, будто становясь больше, да и самъ онъ будто выросталъ, когда становился передъ мольбертомъ съ готовымъ полотномъ и устремлялъ взглядъ на свою модель,—нашего старшаго брата, мальчика 12 лѣтъ,—смирно сидѣвшаго на стулѣ, поставленномъ на возвышеніи изъ большого опрокинутаго ящика,—въ синей курточкѣ, со свѣтлыми пуговицами и крахмальной фрезой вокругъ шеи!

Нечего и говорить о томъ, что мы, дѣти, все толпились тутъ же, притаивъ дыханіе, чтобы не мѣшать; переводя удивленные глаза съ брата на холстъ художника. Братъ сидѣлъ плохо, то и дѣло уставая и отдыхая. Въ промежуткахъ отецъ разспрашивалъ Корочкина о его занятіяхъ и планахъ на будущее. Корочкинъ съ дѣтства любилъ рисованіе. Еще дворовымъ мальчишкой, сыномъ главнаго повара, играя съ барчуками, онъ не отводилъ глазъ, если приводилось ему увидѣть у нихъ картинку, и старался потомъ, на память, нарисовать ее углемъ на стѣнѣ или на полу, за что не разъ его сѣкли. При барчукахъ онъ и грамотѣ немного научился; а потомъ изъ „казачка“ при старшемъ барчукѣ, который особенно его любилъ,—помѣщенъ былъ въ лакеи къ самому старому барину, когда барчукъ уѣхалъ въ Петербургъ, въ корпусъ.

Вотъ тутъ то, въ большомъ, барскомъ домѣ, среди цѣлой галлерей фамильныхъ портретовъ, написанныхъ извѣстными русскими и иностранными мастерами,—Корочкинъ окончательно пристрастился къ портретной живописи, пристально вглядываясь въ ея манеру и мазки. Они то и были его единственными наставниками. Его понятливость въ грамотѣ и счетовѣдѣніи, заставила его родственника по матери, купца Завихляева, взять его къ себѣ, когда баринъ, по просьбѣ барчука, отпустилъ его на оброкъ.

— Здѣсь я, по крайности, хоть свѣтъ вижу, да и живописью заниматься могу,—говорилъ Корочкинъ.—Я скопилъ кое что, да и хозяинъ хотѣлъ мнѣ помочь; выкупиться бы могъ. Совѣтують мнѣ учиться... Даже одинъ баринъ тутъ былъ, изъ Москвы къ хозяину по дѣлу пріѣзжалъ;—очень даже моей живописью плѣнился: „тебѣ бы, братецъ, говорить, въ Петербургъ, въ академію художествъ; человѣкъ бы изъ тебя вышелъ; а то сгниешь, говорить, тутъ...“ Да и многіе о томъ мнѣ говорили... А бѣда то въ томъ, что у барина нашего, у господина Каперскаго, такой обычай, что ни за что на откупъ людей не пускать; по оброку ходи, а о томъ, чтобы выкупиться—и не думай! „Мой холопъ, говорить,—моимъ холопомъ и умрешь! Есть моя милость, говорить, пушу на оброкъ; ходи, гдѣ хочешь; а передумаю—маршъ назадъ и опять ты мой холопъ; что хочу съ тобой, то и сдѣлаю: хочу озолочу, хочу засѣку!“ Вотъ онъ у насъ какой!—закончилъ Корочкинъ и глубоко задумался.

Всѣ въ городѣ, отъ мала до велика, знали этого Каперскаго, крѣпостника съ головы до пятъ; много разказовъ, какъ о его чудачествахъ, такъ и жестокостяхъ съ людьми, передавались отъ однихъ къ другимъ и доходили и до нашихъ дѣтскихъ ушей, че-

резъ дѣвичью и дѣтскую. Помѣстье его, огромное село, были почти пригородное, и мои родители, знакомые съ семьей Каперскаго домами, не разъ, навѣщая ихъ, брали съ собой и насъ, дѣтей. Я ясно помню этотъ громадный домъ (какъ говорили, въ 40 комнатъ) съ башнями, и балконами, стоявшій на горѣ, среди обширнаго парка, со всевозможными затѣями. Огромныя комнаты, съ тяжелой золоченой мебелью гостиныхъ; масса ненужныхъ бездѣлушекъ на затѣйливыхъ этажеркахъ, съ инкрустаціей изъ перламутра и слоновой кости. Громадная библіотека, изъ гигантскихъ, рѣзныхъ шкафовъ которой, казалось, никогда не вынимались эти фоліанты, въ роскошныхъ переплетахъ. Рядъ комнатъ для гостей и среди всего этого довольства и роскоши, хозяева: отецъ, мать и дочь, съ изысканными манерами и любезными пріемами, подъ которыми даже намъ, дѣтямъ, не чувствовалась искренность сердечной теплоты!

Каперскій былъ гораздо старше своей жены; ему тогда было уже слишкомъ 70 лѣтъ; но онъ былъ чрезвычайно бодрый, свѣжій старикъ, державшійся прямо, надменно откинувъ назадъ голову въ темномъ парикѣ, съ высоко взбитымъ хохломъ и тщательно зачесанными височками. Всегда гладко выбритый, щегольски одѣтый, съ бѣлоснѣжными, туго накрахмаленными жабо; съ любезной улыбочкой на тонкихъ губахъ, съ нѣжными, великолѣпными руками, тонкіе пальцы которыхъ ловко вертѣли золотую табакерку или черепаховый лорнетъ,—онъ имѣлъ видъ французскаго маркиза, и, глядя на его изящную фигуру, трудно было соединить съ нею представленіе о тѣхъ жестокихъ наказаніяхъ, на которыя онъ обрекалъ своихъ крѣпостныхъ. Но впечатлительнымъ дѣтскимъ умамъ трудно было отрѣшиться отъ запавшихъ въ нихъ разсказовъ дѣвичьей и дѣт-

ской, и мы съ предубѣжденіемъ смотрѣли какъ на него, такъ и на его жену, женщину, несмотря на ея 50 лѣтъ, замѣчательно моложавую и красивую; и, косясь на ея бѣлыя, пухлыя ручки, пальцы которыхъ были чуть не до ногтей унизаны дорогими кольцами,—мы представляли себѣ, какъ эти ручки раздають пощечины ея горничнымъ.

Мадамъ Каперская имѣла много дѣтей, но теперь всю ихъ семью составляла одна ихъ первородная дочь, которой уже махнуло за тридцать лѣтъ. Однѣ дѣти умирали крошками, а изъ двухъ сыновей—какъ горько замѣчалъ Каперскій — „оба принесли имъ только горе; и одинъ, теперь еще остававшійся въ живыхъ, не считался болѣе ихъ сыномъ“! Каперскій, съ видомъ мученика, умалчивалъ о причинахъ; но народная молва рассказывала другое. Она говорила, что старшій сынъ, тотъ барчукъ, что покровительствовалъ Корочкину и могъ и позже стать его защитникомъ, вздумалъ жениться безъ позволенія родителей на вполнѣ достойной, но бѣдной и скромной дѣвушкѣ, вслѣдствіе этого получилъ родительское проклятіе и лишеніе всякаго пособія; а потомъ, черезъ силу работая для поддержанія семьи, получилъ чахотку и умеръ. А второй, призванный было, по окончаніи ученія, въ деревню, на подмогу родителю, не могъ вынести той муки, что терпѣли крестьяне и дворовые, безпрестанно схватывался съ отцомъ, стараясь спасти ихъ отъ его гнѣва и, наконецъ, въ пылу одной стычки, тоже получилъ родительское проклятіе и былъ изгнанъ изъ дома, съ приказаніемъ не переступать его порога и не считаться болѣе сыномъ прогнѣвавшагося отца.

Оставалась дочь; это была тщедушная, некрасивая, дѣвушка, съ длиннымъ, безцвѣтнымъ лицомъ и безцвѣт-

ными, будто вылинявшими глазами, съ апатичнымъ взглядомъ. Рожденіе этого первороднаго ребенка было, говорятъ, отпраздновано въ селѣ съ неслыханною, ни до того, ни послѣ того,—роскошью. И съ этого же дня, кружевницы, наполнявшія длинную, рабочую комнату, съ ранняго утра до сумерекъ, гремя коклюшками, стали плести тонкія кружева для приданаго будущей „красавицѣ—невѣстѣ“. Но, какъ не сбылось предсказаніе насчетъ „красавицы“, такъ затормозило и съ „невѣстой“. Приданое бѣлье шилось роскошное, отдѣланное удивительными кружевами, за которыми не мало кружевницъ попортило, или совсѣмъ лишилось зрѣнія; неvěста росла, выросла и, наконецъ, стала блекнуть, а подходящій женихъ не являлся! Были кое-какіе польстившіеся на приданое; но это была такая мелюзга, что дерзнувшимъ заикнуться о предложеніи, безцеремонно показали дверь, что заставило отступить другихъ, подобныхъ же; ну, а тотъ принцъ, котораго родители ждали для своей дочери,—такъ и не явился!

Кромѣ семьи, въ домѣ было нѣсколько приживалокъ, противныхъ, подобострастныхъ женщинъ, разныхъ возрастовъ, бросавшихся разомъ подставить скамеечку подъ ноги, не только хозяйкѣ, но и гостѣ попочетнѣй; подслушивавшихъ у всѣхъ дверей и потомъ приносившихъ матушкѣ-барынѣ; подводившихъ, въ угоду ей, подъ наказаніе прислугу и льстившихъ старой, злой, барской болонкѣ.

Не смотря на полнѣйшее несходство взглядовъ, характеровъ и воспитаніе, наши родители не могли разорвать сношеній съ Каперскими, старинными знакомыми обѣихъ семей. Каперскій, называвшій моего отца, за его гуманное обращеніе съ дворовыми и крестьянами, „чудакомъ не отъ міра сего“, повидимому, былъ очень

къ нему расположенъ; даже иногда спокойно выслушивалъ рѣзкія замѣчанія отца, знавшаго, при этомъ, что „его не прошибешь“. Мы, дѣти, хотя и не любили Каперскихъ, но любили ихъ большой паркъ, съ роскошными цвѣтниками, лужайками и пригорками, на которыхъ возвышались затѣйливые павильоны; съ свѣтлымъ прудомъ, по которому разѣзжала цѣлая флотилія лодокъ, съ пестрыми флагами; съ затѣйливыми мостиками, перекинутыми черезъ канавки, одна изъ которыхъ, за неимѣніемъ воды, была сплошь засѣяна крупными, лазоревыми незабудками, и со всевозможными сюрпризами.

Любили мы ихъ длинные обѣды, съ музыкой домашняго оркестра, гремѣвшаго на хорахъ огромной столовой, заставленной массивнымъ серебромъ и сверкающимъ хрусталемъ. Что набрасывало тѣнь на весь этотъ блескъ, такъ это то напряженное выраженіе лицъ многочисленной дворни, приглядѣвшисъ къ которому, вы угадывали, что всѣ эти люди вѣчно стояли надъ пропастью, готовясь къ тому, что, вотъ-вотъ, все рухнетъ и они полетятъ внизъ. Малѣйшая, самая ничтожная погрѣшность, неловкость или даже кажущееся недовольное выраженіе лица,—встрѣчали бдительный взоръ барина, за которымъ,—они хорошо знали,—слѣдовало жестокое наказаніе. Изъ верхнихъ, отводимыхъ намъ постоянно комнатъ мы были свидѣтелями той процедуры, которой начиналось каждое утро.

Баринъ, съ трубкой въ зубахъ, садился внизу у окна, выходившаго на дворъ, и передъ нимъ, сначала конюхи, а потомъ доѣзжіе, проводили по очереди всѣхъ лошадей и собакъ. Бѣда, если баринъ замѣчалъ какойнибудь безпорядокъ въ уходѣ за тѣми и другими! Далѣе, поваренки приносили изъ кухни кушанья, кото-

рыя особа ими готовились для собакъ, какъ охотничьихъ, которыхъ Каперскій держалъ цѣлую свору, хотя никогда не охотился,—такъ и для комнатныхъ, которыхъ было нѣсколько и у него, и у барыни. Кушанья были разныя, и для комнатныхъ любимчиковъ готовились сообразно ихъ вкусамъ и привычкамъ. Для осмотра, кушанья эти, въ особыхъ посудинахъ, разставлялись передъ крыльцомъ, на которое выходилъ баринъ, окидывая ихъ привычнымъ взглядомъ, которымъ онъ сразу замѣчалъ небрежность приготовленія или недостатки матерьяла. Тогда это несчастное кушанье цѣликомъ выливалось или вываливалось на голову преступнаго поваренка, что не избавляло его отъ дальнѣйшаго наказанія. Мы, дѣти, очень возмущались всѣмъ этимъ; и еслибы Каперскій могъ слышать тѣ нелестныя эпитеты, что мы расточали ему въ эти минуты, онъ не улыбался бы намъ такъ пріятно!

И вотъ, отъ этого то человѣка зависѣло счастье Корочкина!

Наши портреты вышли, и въ правду, замѣчательны по сходству. Кромѣ того, что Корочкинъ умѣлъ схватить присущее каждому изъ насъ характерное измѣняя, онъ вложилъ въ нихъ и свою долю поэзіи, варьируя наши позы и окружавшія насъ подробности. Кому была дана въ руки кукла; кому ружье или яблоко. Старшая сестра держала даже живую розу, тоже очень мило сдѣланную художникомъ. Но какъ онъ самъ то былъ счастливъ! Это время,—какъ онъ говорилъ впоследствии,—было однимъ изъ счастливѣйшихъ въ его жизни. Принимаемый ласково взрослыми, онъ сталъ пріятелемъ насъ, дѣтей, которымъ казался поистинѣ великимъ художникомъ, въ сравненіи съ тѣмъ мазаньемъ, что мы практиковали при раскрашиваніи картинокъ,

такъ безжалостно—густо замазываемыхъ нами одной красной или ярко-синей краской. Даже рисованье старшей сестры по трафарету, дотолѣ казавшееся намъ верховъ совершенства,—блѣднѣло передъ чудодѣйскими мазками Корочкина! Самъ онъ не уставалъ объяснять намъ значеніе красокъ и прочаго, даже набрасывалъ въ наши тетради маленькіе рисуночки, въ видѣ домиковъ съ плакучими березами по сторонамъ; или охотника съ собакой, или мужика съ сохой,—не переставая возбуждать нашъ восторгъ! Старшей сестрѣ онъ даже нарисовалъ въ ея, кожаный, съ золотымъ обрѣзомъ, альбомчикъ,—какой то павильонъ, съ круглымъ куполомъ и витыми колонками, посреди котораго, на жертвенникѣ стояло большое сердце съ пламенемъ на верху; а у подножія жертвенника лежалъ лукъ и колчанъ со стрѣлами.

Въ эти воскресенья и праздники, пока писались наши портреты, Корочкинъ былъ у насъ вполнѣ, какъ дома. Хотя обѣдалъ онъ не за однимъ съ нами столомъ,—ему накрывали въ чайной,—но подавалось все съ нашего стола. Да онъ и самъ ни за что не сѣлъ-бы съ нами за одинъ столъ. Корочкинъ вполнѣ понималъ значеніе поговорки: „всякій сверчокъ, знай свой шестокъ“—и въ его деликатной натурѣ не проглядывало ни тѣни навязчивости или нахальства. Въ немъ былъ замѣчательный природный тактъ, которому могъ бы поучиться любой салонный щеголь; и въ то же время—чувство собственнаго достоинства, достоинства человека, увѣреннаго въ томъ, что онъ не способенъ на гадость. А главное: онъ былъ равно приличенъ со всѣми: почтителенъ, безъ холопскаго заискиванья и самоуниженія съ господами и вѣжливъ, безъ панибратства, но и безъ гордости,—съ прислугой, которая вся, безъ исклю-

ченія, любила его и относилась къ нему съ почтеніемъ, какъ бы инстинктивно чувствуя, что онъ выше ея, не по положенію, а по развитію.

Наши портреты упрочили извѣстность Корочкина и его стали, нарасхватъ, приглашать изъ дома въ домъ, давая работу. Въ то же время разговоръ о томъ, что „такой талантъ зарывать нельзя; что ему мѣсто въ Академіи“ и пр. и пр. раздавался повсюду, разносился по городу, а изъ города, черезъ разныхъ прихлебателей донесся и до усадьбы Каперскаго.

Помню, было это какъ разъ весной, когда мы, пріѣхавъ къ Каперскимъ на рожденіе ихъ дочери, въ началѣ мая, должны были, какъ всегда, прогостить у нихъ дня три.

Этотъ разъ мы ѣхали къ нимъ съ еще большей радостью, чѣмъ всегда. Во-первыхъ, мы знали изъ разсказовъ пріѣзжавшаго въ городъ управляющаго Каперскаго, что нынче праздникъ будетъ на-славу; а во вторыхъ, мы надѣялись, что папашѣ какъ - нибудь удастся уговорить Каперскаго отпустить на-волю Корочкина.

Пріѣхали мы наканунѣ праздника. Гостей уже съѣхалось порядочно, тоже съ ночевками, и ихъ размѣщали по комнатамъ отдѣльнаго флигеля, нарочно предназначеннаго для такихъ наѣздовъ. Вездѣ было шумно, говорливо. Мы помѣстились въ большомъ домѣ, въ тѣхъ комнатахъ, что постоянно занимали во время нашихъ сюда наѣздовъ, и, наскоро переодѣвшись съ дороги, побѣжали провѣдать своихъ знакомыхъ людей и животныхъ, съ которыми были въ большой дружбѣ, направляясь черезъ заднія крыльца, чтобы не попасться на глаза хозяевамъ, которымъ мы должны были представиться къ обѣду,—не раньше: таковъ былъ обычай

пріѣзжавшихъ въ передѣ-обѣденное время. Признаться мы были рады своей свободѣ и спѣшили сунуть свои носы во всѣ щелки.

Скоро мы облетѣли и дворъ, гдѣ попотчивали принесенными нами остатками отъ закусокъ во время дороги—и стараго Барбоса, такого стараго, что онъ уже пересталъ и лаять, и хромоногую Фидельку, съ обрубленнымъ хвостомъ и лисьей мордочкой, и лохматаго Бусурмана.

Забѣжали и въ конюшню, гдѣ тоже знали по именамъ всѣхъ лошадей; поболтали со всѣми друзьями дворовыми. Вихремъ промчались по саду, а на возвратномъ пути заглянули и въ кухню, гдѣ повара и поваренки неистово стучали ножами, а стряпухи возились съ корчагами величиной чуть не съ домъ.

Много интереснаго встрѣтили мы въ томъ отдѣленіи, гдѣ готовились кондитерскія печенья, пирожныя и конфекты. Главный кондитеръ имѣлъ видъ какого-то волшебника, подъ магическимъ жезломъ котораго производились разныя чудодѣйскія штуки! Онъ видимо „финтиль“ передъ нами, съ благоговѣніемъ смотрѣвшими, какъ онъ по бѣлой глазури сладкаго торта выводилъ всевозможные выкрутасы, искусно выпуская изъ узенькой трубочки розовую сахаристую жидкость, или придавалъ всевозможныя формы сладкому тѣсту, назначенному для печеній къ шоколаду. Казалось, въ эти минуты онъ совершенно забывалъ о томъ, что если барину покажется, что розовое украшеніе на тортѣ не вездѣ прямо выведено, или печенье чуть-чуть какъ-бы подгорѣло, этотъ чудодѣй будетъ исправно высѣченъ на конюшнѣ! Но что привело насъ въ окончательный восторгъ, это украшеніе, предназначенное для середины обѣденнаго стола, сдѣланное этимъ волшеб-

никомъ изъ сладкаго тѣста въ видѣ павильона, съ витыми колонками, изъ розоваго прозрачнаго леденца, съ куполомъ, блестящимъ отъ грани крупно-истолченного сахара, и съ жертвенникомъ внутри павильона изъ золотистаго мармелада, съ сидящими на немъ двумя бѣлоснѣжными голубками!

Самый праздникъ удался на-славу! Гостей наѣхало множество и ихъ разсовали повсюду. Праздникъ начался съ утра, торжественнымъ молебномъ, къ которому даже пріѣхалъ архіерей со всѣмъ причтомъ; и архіерскіе пѣвчіе, въ ожиданіи хорошей закуски, такъ громогласно запѣли „Многія лѣта“, что во дворѣ завывли всѣ собаки! А затѣмъ цѣлый день одно веселье смѣняло другое. Тутъ были и веселые хороводы,—на зеленомъ лугу передъ домомъ,—разряженныхъ въ парадные костюмы крестьянъ, заливавшихся звонкимъ пѣніемъ. И театральное представленіе въ отдѣльной театральной залѣ доморощенныхъ актеровъ изъ дворовыхъ; не говоря уже о томъ, что домашній оркестръ гремѣлъ на хорахъ громадной столовой и во время завтрака, и во обѣда, и все завершилось танцами и блестящимъ фейерверкомъ, пущеннымъ на берегу пруда и на самомъ прудѣ, посрединѣ его, на плоту.

Нечего и говорить о томъ, что мы, дѣти, поспѣвали всюду и даже выторговали себѣ ужинъ, хотя и хлопали глазами, сидя за нимъ; а Витя даже клюнулъ носомъ въ тарелку, попробовавъ имъ соусъ изъ подѣ-рыбы, что произвело много смѣха среди сидѣвшихъ съ нами дѣтей и вызвало ревъ самаго Вити, вслѣдъ за тѣмъ удалившагося въ дѣтскую, на покой.

И вотъ, на другой день такого веселья, когда гости всѣ поразѣ ѣхались (Каперскій ихъ долѣе не удерживалъ,

дѣлая исключеніе только для нашей семьи),—и произошло рѣшеніе судьбы Корочкина.

Папа очень рассчитывалъ на этотъ день; предполагая завести благопріятный для Корочкина разговоръ, какъ разъ послѣ того, какъ сердце Каперскаго было размячено тѣми восторгами, что расточали гости его празднику, тѣша тѣмъ его тщеславіе. Онъ еще не зналъ, что до Каперскаго уже дошли слухи объ успѣхахъ Корочкина и о его желаніи откупиться.

Мы только что-кончили чай на широкой террасѣ, выходящей въ садъ, откуда несся сильный запахъ сирени.

— Слышалъ я, — вдругъ началъ Каперскій, обращаясь къ отцу и ехидно улыбаясь: — что у васъ въ городѣ художникъ великій появился; холопъ мой, Яшка Корочкинъ. Онъ вѣдь у васъ, кажется, портреты дѣтскіе писалъ? Ему, говорятъ, всѣ блестящую будущность сулятъ; въ Петербургъ, въ академію отправить хотятъ... Что же? Это хорошее дѣло! Зачѣмъ талантъ великій зарывать? Плохо только то, что они сперва съ бариномъ его не посовѣтовались; о баринѣ то его забыли; да на-что, думаютъ, баринъ, когда талантъ великій самъ себѣ путь пробьетъ... Анъ, выходитъ то, что безъ барина то и талантъ великій не вывезетъ. Баринъ этого самаго вашего Рафаэля Урбинскаго можетъ или въ люди вывести, или подъ сермягой сгноить!

И онъ какъ то беззвучно не то фыркнулъ, не то захлебнулся. Мы такъ и присѣли. Самъ папа смутился, не предчувствуя ничего добраго.

— Конечно, все зависитъ отъ васъ, Петръ Ильичъ,—заговорилъ онъ сдержанно:—помимо васъ, всякій это понимаетъ, — ничего нельзя предпринять. Корочкинъ давно хотѣлъ обратиться къ вамъ съ просьбой о выкупѣ, но не смѣлъ...

— Не смѣлъ!? — какъ то неестественно взвизгнулъ Каперскій,—это онъ то, талантъ великій, котораго чуть ли не вся губернія на рукахъ носить, обѣдами кормить, въ своихъ экипажахъ катаеть, — не смѣлъ!? Видите, смиренникъ какой! Ну, вотъ мнѣ и любопытно стало поглядѣть на такую знаменитость; отродясь я эдакихъ знаменитостей не видалъ; любопытно было взглянуть, какимъ такимъ мой холопъ Яшка сталъ, съ тѣхъ поръ, какъ въ знаменитости попалъ? Я думаю, барскій обликъ принялъ, брюшко отростилъ. Вотъ я и попросилъ его сюда, чтобы оказалъ милость старому барину, показался передъ нимъ. Можетъ, и съумѣю съ нимъ поговорить; хоть оно не привычно мнѣ, страшновато, со знаменитостями разговаривать!... Эй! крикнулъ онъ, перейдя отъ приниженно-смиренного тона къ властному: Яшку Корочкина позвать сюда!

Мы переглянулись и у всѣхъ было одно выраженіе, какого-то ужаса. Вошелъ Корочкинъ и остановился у дверей, отвѣсивъ барину и всѣмъ намъ низкій поклонъ. Вся его фигура была исполнена той же скромностью и почтительностью, безъ холопства. Онъ понималъ, что стоялъ передъ бариномъ, и даже, когда баринъ, устремивъ на него упорный, насмѣшливый взглядъ, властно протянулъ ему руку,—онъ приблизился и почтительно ее поцѣловалъ. Каперскій съ минуту молчалъ, разглядывая его съ головы до ногъ.

— Однако, ты на барскихъ пирогахъ брюшка не отростилъ,—началъ онъ, криво улыбаясь,—все такой же сухопарый. Можетъ, по академіи сохнешь? Я слышалъ, что тебѣ въ академію, страхъ какъ, хочется? — Заговорилъ онъ мягкимъ голосомъ.—А? Хочется въ академію? Выкупиться бы хотѣлъ, да и въ Петербургъ, въ академію?

— Если бы милость ваша была... проговорилъ Корочкинъ тихимъ голосомъ, съ благодарностью взглянувъ на барина,—я бы выкупъ внесъ и...

— Ну, вотъ-вотъ,—прервалъ его тѣмъ же мягкимъ голосомъ Каперскій,—вотъ именно: все дѣло въ выкупѣ! Его только мнѣ и нужно, твоего выкупа, безъ него я совсѣмъ обнищаль... А я,—продолжалъ Каперскій, минуту помолчавъ,—рѣшилъ по другому. Выкупа твоего я не хочу и выкупной тебѣ никогда не дамъ (это „никогда“ онъ почти взвизгнулъ)! А чтобъ ты тѣломъ маленько поправился, такъ я тебя въ городъ больше на оброкъ не пущу, а приказываю тебѣ остаться въ деревнѣ. Городъ тебѣ, какъ вижу, вреденъ; здѣсь на вольномъ воздухѣ ты раздобрѣешь. А такъ какъ я уважаю въ тебѣ твое искусство, то и здѣсь тебя безъ дѣла не оставляю... Кстати, у меня сушильня новая строится и заборъ около скотнаго двора новый сколотили. Такъ ты и позаймись ихъ окраской: оно тебѣ и по душѣ будетъ, какъ любимое искусство, да и полезнѣй для здоровья; на воздухѣ будешь работать!

И закончивъ эти слова съ насмѣшливой улыбкой, Каперскій, не взглянувъ ни на кого, медленно всталъ и спустился съ террасы въ садъ. Мы все время не спускали глазъ съ Корочкина. Онъ стоялъ, опустивъ на грудь голову, блѣдный, какъ полотно. Когда Каперскій скрылся въ саду, мы, дѣти, будто сговорились, бросились къ нему.

— Корочкинъ, миленькій! Успокойтесь! Баринъ согласится. Папаша упроситъ его!

Корочкинъ стоялъ все въ томъ же положеніи, съ опущенной головой, устремивъ въ полъ неподвижный взглядъ. Отецъ тоже подошелъ къ нему и сталъ его успокаивать, обѣщаясь поговорить съ Каперскимъ.

— Нѣтъ, баринъ... заговорилъ Корочкинъ, глухимъ голосомъ—и не пробуйте! Все равно ничего изъ этого не выйдетъ; еще хуже онъ озлится! Не такой онъ человекъ: никто его не знаетъ такъ, какъ я! Если уже онъ родныхъ дѣтей не пощадилъ,—такъ что же я то?—добавилъ онъ, отчаянно махнувъ рукой, и тихо, съ опущенной головой, побрелъ прочь...

Мы притихли, глотая слезы; а на террасу лился изъ сада аромат сирени и вблизи затрещалъ соловей...

Корочкинъ былъ правъ: Каперскій, какъ уперся, такъ и не двинулся съ мѣста. Крупное объясненіе съ нимъ отца ни повело ни къ чему, а только было причиною ихъ ссоры, и съ тѣхъ поръ отецъ порвалъ съ нимъ всѣ сношенія. Каперскій, видимо, былъ потрясенъ этой размолвкой; тутъ еще болѣе выказалась его привязанность къ отцу; но упорство самодура взяло вверхъ и, какъ отецъ ни просилъ за Корочкина,—онъ остался непреклоненъ.

Когда мы собрались уѣзжать, чтобы никогда,—какъ выразился отецъ, уходя отъ Каперскаго, — не переступать порога его дома,—то тихонько побѣждали проститься съ Корочкинымъ. Мы нашли его красившимъ заборъ скотнаго двора. Въ той же полотняной блузѣ, подпоясанной кожанымъ кушакомъ, какъ приходилъ онъ къ намъ, когда писалъ наши портреты,—онъ машинально водилъ кистью—метелкой по забору, будто не онъ самъ, а какая-то чужая сила двигала его рукой.

Увидя насъ, онъ немного просіялъ; но затѣмъ слезы побѣждали по его щекамъ, и онъ не вытиралъ ихъ, оставляя ихъ слѣды на нашихъ щекахъ, когда дрожащими губами перецѣловалъ всѣхъ насъ...

Съ тѣхъ поръ мы не видали больше Корочкина. Разрывъ отца съ Каперскимъ закрылъ намъ дорогу въ его

имѣнье, а затѣмъ мы уѣхали изъ Т., даже продавъ тамъ свой домъ. Что случилось съ нашимъ другомъ? По-корился ли онъ своей участи? Запилъ ли съ горя, какъ сдѣлали многіе изъ такихъ неудачниковъ? Или изсохъ съ тоски и вскорѣ умеръ?—Богъ вѣсть!

С. Лаврентьева.

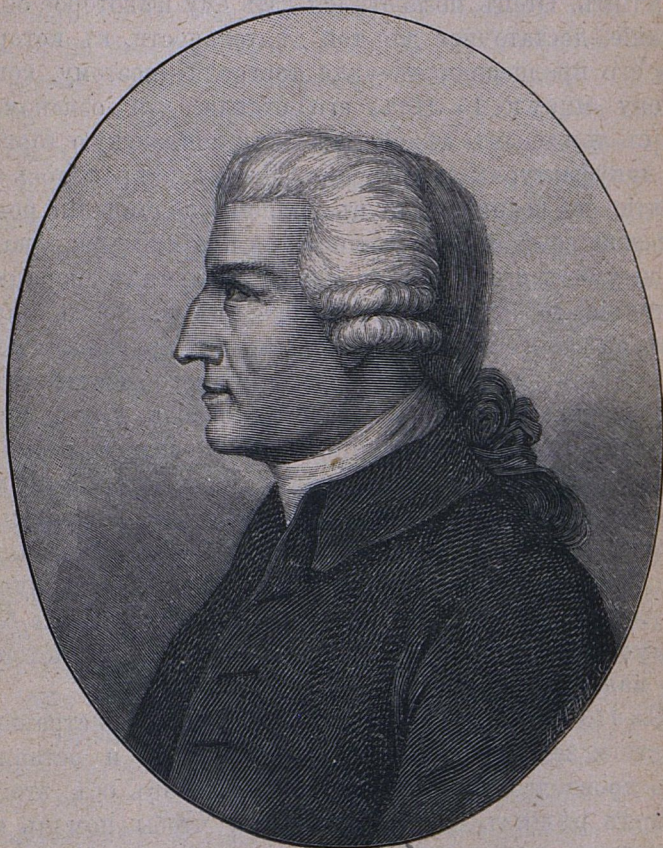

Другъ заключенныхъ,

Джонъ Говардъ.

Въ городѣ Херсонѣ, какъ разъ напротивъ городской тюрьмы и больницы, находится странная могила, устроенная въ видѣ солнечныхъ часовъ. На ней плита съ слѣдующею надписью по латыни: „Ad sepulchrum stas, quisquis es, amici“ (кто бы ты ни былъ—ты у могилы твоего друга). Въ этой могилѣ похороненъ замѣчательный человѣкъ, англичанинъ Джонъ Говардъ. Онъ умеръ сто лѣтъ тому назадъ, въ январѣ 1790 г., но память о немъ сохранилась, и не въ одной только Англіи—его отечествѣ, а и у насъ въ Россіи, и во всѣхъ другихъ странахъ, такъ какъ онъ трудился для всего человѣчества. Онъ первый заставилъ обратить вниманіе на самыхъ заброшенныхъ, несчастныхъ и забытыхъ людей—на преступниковъ и другихъ заключенныхъ, томящихся въ тюрьмахъ. Только благодаря ему Англія, а за нею и другія государства, стали интересоваться тюрьмами, гдѣ содержатся люди, отбывающіе свои наказанія, и заботиться о лучшемъ ихъ устройствѣ. Надо было много неумоимаго труда, чтобы изучать тюремный бытъ во всѣхъ государствахъ, какъ это дѣлалъ Говардъ, и возбудить участіе въ обществѣ къ изгнаннымъ изъ него преступникамъ, напомнивъ, что они тоже люди, часто

нуждающіеся только въ состраданіи, чтобы снова вернуться на путь правды и добра. Этотъ то подвигъ чловѣколюбія и былъ совершенъ Говардомъ, который ра-

Джонъ Говардъ.

скрылъ своимъ современникамъ ужасы тюремной жизни.

Въ первой половинѣ XVIII вѣка въ маленькой деревушкѣ, по близости Лондона, жилъ богатый лондон-

скій купецъ Говардъ. Семья его состояла только изъ двоихъ дѣтей, сына и дочери. Сынъ Джонъ, росъ слабымъ, болѣзненнымъ мальчикомъ, задумчивымъ и несообщительнымъ. Отецъ позаботился дать ему нѣкоторое образованіе, достаточное для той дѣятельности, къ которой онъ его предназначалъ—для торговли—поэтому, когда Джону минуло 15 лѣтъ, его отдали для ознакомленія съ торговымъ дѣломъ въ одну лондонскую торговлю мануфактурными товарами. Джону не нравилось это занятіе, но, воспитанный въ полномъ подчиненіи родительской волѣ, онъ не рѣшился ей противиться; однако, когда умеръ его отецъ и Джонъ получилъ изрядное состояніе, то онъ немедленно бросилъ торговлю. Впрочемъ, онъ долго не могъ избрать никакой другой дѣятельности, такъ какъ не получилъ для этого достаточнаго образованія. Здоровье у него было слабое, и онъ нуждался въ перемѣнѣ климата; поэтому онъ и рѣшилъ предпринять путешествіе за границу на болѣе или менѣе продолжительное время, отчасти ради здоровья, а отчасти и для того, чтобы пополнить свое образованіе. Онъ, дѣйствительно, поправился, но когда вернулся въ Англію, снова заболѣлъ и выздоровѣлъ только благодаря заботливому уходу своей хозяйки, у которой онъ нанималъ квартиру.

Въ 1755 году надъ Португаліей разразилось страшное бѣдствіе: землетрясеніе разрушило города и оставило безъ крова десятки тысячъ людей. Узнавъ объ этомъ, Говардъ рѣшилъ туда отправиться, чтобы помочь несчастнымъ, пострадавшимъ отъ землетрясенія. Но ему не удалось поѣхать туда. Семилѣтняя война ¹⁾ была тогда въ

¹⁾ Такъ называется война, происходившая между Пруссіей и Англіей—съ одной стороны и Австріей, Россіей, Франціей и Швеціей—съ другой.

самомъ разгарѣ, и пароходъ, на которомъ онъ ѣхалъ, былъ захваченъ въ плѣнъ французскимъ военнымъ судномъ. Говардъ, вмѣстѣ съ другими пассажирами, былъ заключенъ въ тюрьму. Тутъ ему въ первый разъ пришлось на собственномъ опытѣ познакомиться со всѣми ужасами тюремной обстановки. Шесть сутокъ онъ пробылъ въ темномъ помѣщеніи, скорѣе похожемъ на грязную конуру, нежели на жилище человѣка,—безъ воздуха и свѣта. Въ теченіе первыхъ сорока часовъ плѣнники оставались совсѣмъ безъ пищи, и только на вторыя сутки имъ бросили, точно собакамъ, жареную баранью ногу; но такъ какъ имъ не дали ни ножа, ни вилокъ, то они должны были руками и зубами разрывать эту ногу на части и раздѣлить ее между собой. Впослѣдствіи Говардъ былъ освобожденъ на честное слово, но только черезъ два мѣсяца ему удалось вернуться въ Англію, гдѣ онъ тотчасъ же сталъ хлопотать объ освобожденіи другихъ заключенныхъ, и, дѣйствительно, его рѣчи возбудили въ Англіи сочувствіе къ участи плѣнныхъ. Благодаря Говарду англійское общество попеченія о больныхъ и раненыхъ морякахъ принялось ходатайствовать объ освобожденіи изъ плѣна матросовъ, заключенныхъ одновременно съ Говардомъ, которые и были потомъ доставлены въ Англію.

Говардъ не попалъ къ бѣдствующимъ португальцамъ, которымъ хотѣлъ помочь, но онъ за то вынесъ изъ этого путешествія горячее состраданіе къ заключеннымъ, и вся его послѣдующая жизнь и дѣятельность были проникнуты этимъ чувствомъ. Несчастная случайность, вслѣдствіе которой Говарду пришлось на себѣ испытать всѣ ужасы тюремнаго заключенія, открыла ему его призваніе.

По возвращеніи въ Англію Говардъ поселился въ

своемъ небольшомъ помѣстьѣ, гдѣ сначала исключительно занимался устройствомъ жизни крестьянъ, открылъ для нихъ школу и вообще заботился о нихъ. Эти заботы наполняли его жизнь и поглощали его время. Онъ часто ѣздилъ въ Лондонъ и тамъ познакомился съ одною молодою дѣвушкой, Генріетой Лидсъ, въ которой нашелъ именно такую помощницу, какая была нужна ему. Они повѣнчались и зажили очень счастливо. Генріета вполне раздѣляла взгляды своего мужа; она знала, что подъ его суровою внѣшностью и строгостью скрывается глубокая доброта.

Въ теченіи семилѣтней брачной жизни между ними не произошло ни малѣйшаго несогласія. Она была также добра и сострадательна, какъ и Говардъ, и принимала самое горячее участіе въ заботахъ о крестьянахъ. Смерть ея была для Говарда страшнымъ ударомъ. Она оставила послѣ себя сына, и Говардъ сначала пробовалъ заглушить свое горе заботами о малюткѣ, но это не помогло. Потеря жены настолько поколебала его здоровье, что онъ долженъ былъ снова уѣхать изъ Англіи.

Говардъ поѣхалъ въ Швейцарію, а затѣмъ въ Италію, намѣреваясь прожить нѣкоторое время въ Неаполѣ. Своего сына онъ отдалъ на попеченіе одной дамѣ, очень почтенной особѣ, содержавшей училище для дѣвочекъ, такъ что за него онъ могъ быть спокоенъ. Всѣ его чувства и мысли, въ особенности во время этого путешествія по Италіи, были сосредоточены на религіи и стремленіи къ Богу, и въ Неаполѣ онъ далъ обѣтъ посвятить всю свою жизнь служенію Богу. Но какъ истинный христіанинъ, онъ понималъ идею служенія Богу не въ одномъ только произнесеніи молитвъ и исполненіи обрядовъ и доказалъ это всею своею жизнью. Когда онъ вернулся на родину, то его ждало тамъ высокое

назначеніе, которое направило его дѣятельность на настоящій путь и дало ему возможность не только выполнить свое обязательство передъ Богомъ, но и создать себѣ безсмертное имя, которое теперь служить символомъ самоотверженной любви къ страдающему человечеству.

Говардъ былъ назначенъ шерифомъ въ Бедфордѣ. Это—важная должность, такъ какъ на шерифѣ лежать весьма многочисленныя обязанности и въ число ихъ входитъ, между прочимъ, надзоръ за тюрьмами и за правильнымъ выполненіемъ правосудія. Въ качествѣ шерифа онъ всегда присутствовалъ на судѣ. И вотъ тутъ то Говарду пришлось въ первый разъ столкнуться съ міромъ преступниковъ. Передъ его глазами, на судѣ, проходили десятки людей изнуренныхъ и несчастныхъ, измученныхъ долгимъ заключеніемъ въ тюрьмѣ. Онъ видѣлъ радость оправданныхъ и освобожденныхъ, горе и муки осужденныхъ; онъ видѣлъ раскаявшихся и нераскаявшихся закоренѣлыхъ преступниковъ. Эти люди, всѣ безъ исключенія, возбуждали въ немъ глубокое состраданіе, и это еще усилило его интересъ къ тюрьмамъ и тѣмъ, кто въ нихъ содержится. Положеніе тюремъ въ тѣ времена было ужасное. Грязь, тѣснота, сырость, спертый отвратительный воздухъ—вотъ тѣ условія, въ которыхъ заключенные жили цѣлыя годы. За отсутствіемъ мѣста, въ одной тѣсной комнатѣ помѣщалось по нѣскольکو человекъ, мужчинъ и женщинъ, иногда даже дѣтей. Такъ какъ на содержаніе преступниковъ казна не отпускала денегъ, то заключенные находились въ полномъ распоряженіи тюремщиковъ, которые вымогали у нихъ деньги. Говардъ пришелъ въ ужасъ, когда увидалъ, какъ содержатся заключенные. „Мнѣ пришлось натолкнуться на ужасныя картины человѣ-

ческаго бѣдствія — писалъ Говардъ впослѣдствіи въ своей знаменитой книгѣ о тюрьмахъ—и, по мѣрѣ моего знакомства съ печальнымъ состояніемъ мѣстъ заключенія, во мнѣ все болѣе и болѣе крѣпла рѣшимость помочь несчастнымъ“.—Вотъ съ этою то цѣлью Говардъ и принялся объѣзжать тюрьмы въ Англіи, а затѣмъ и въ другихъ странахъ. Онъ хотѣлъ сначала хорошенько познакомиться съ ихъ положеніемъ, съ условіями существованія заключенныхъ и тогда уже предложить мѣры къ облегченію ихъ положенія.

Во времена Говарда ни въ одномъ государствѣ Европы не заботились о содержащихся въ тюрьмахъ. Попавшій въ тюрьму, хотя бы вслѣдствіе несчастной случайности, рѣдко уже выходилъ изъ нея, такъ какъ обыкновенно въ тюрьму сажали на долгій срокъ и даже большею частью пожизненно. Тюремный міръ былъ отдѣленъ отъ всего остального міра высокими оградами и прочными запорами. Никто не интересовался тѣмъ, что дѣлалось съ людьми, сидящими за этими запорами, что они чувствовали и какъ страдали; они были словно заживо погребенные и къ нимъ, дѣйствительно, можно было примѣнить слова одного стариннаго великаго итальянскаго писателя, Данте, который, описывая адъ, сказалъ, что на вратахъ его находится надпись: „Оставьте всякую надежду, всѣ, входящіе сюда!“

Входящіе въ тюрьму также должны были оставить всякую надежду на лучшее будущее. Никто о нихъ не заботился, никому не было дѣла до ихъ страданій. Они совершили преступленіе и, слѣдовательно, должны были нести наказаніе. Это справедливо. Но никому не приходило въ голову, что, рядомъ съ настоящими преступниками и злодѣями, въ тюрьму попадали порою и невинные или вовлеченные въ преступленіе какими-нибудь несчаст-

ными обстоятельствами, голодомъ, нуждой и т. д. и, слѣдовательно, заслуживающіе состраданія. Несостоятельные должники, разорившіеся иногда лишь вслѣдствіе несчастной случайности и неимѣющіе возможности уплатить свой долгъ, также попадали въ тюрьму и содержались наравнѣ съ остальными преступниками.

И вотъ появился человѣкъ, который возмущился такимъ отношеніемъ къ заключеннымъ и, объѣздивъ всѣ тюрьмы и познакомившись съ тюремнымъ бытомъ, громко заговорилъ о необходимости измѣнить его. Книга Говарда „О положеніи тюремъ въ Англіи“, въ которой онъ изложилъ свои наблюденія, произвела сильное впечатлѣніе. Каждая строка этой книги дышала глубокою правдой, и люди невольно содрогнулись, когда Говардъ раскрылъ передъ ними тайны того, что совершалось за тюремною оградой. Онъ первый напомнилъ, что заключенные въ тюрьмы—тоже люди. Онъ понималъ, что тюрьма есть наказаніе, но находилъ, что и въ наказаніи надо соблюдать мѣру и помнить, что имѣешь дѣло съ человѣкомъ. Онъ находилъ, что трудъ, строгая, но разумная дисциплина и обученіе могутъ снова направить человѣка на истинный путь, съ котораго онъ сошелъ. „Сдѣлайте человѣка прилежнымъ, говоритъ онъ—и онъ будетъ честнымъ“. Говардъ особенно настаивалъ на томъ, что тюрьмы не должны быть разсадникомъ всякихъ болѣзней и преступленій, такъ какъ часто люди невинные, но попавшіе въ тюрьму, содержались въ ней вмѣстѣ съ преступниками и заражались отъ нихъ не только болѣзнями, но и преступными наклонностями и привычками.

Прежде чѣмъ обнародовать свои наблюденія надъ англійскими тюрьмами, Говардъ рѣшилъ осмотрѣть тюрьмы въ другихъ странахъ. Сначала онъ поѣхалъ въ

Парижъ, куда его привлекала Бастилія—мрачная французская тюрьма, составлявшая ужасъ всѣхъ жителей столицы. Но тутъ ему пришлось много хлопотать, такъ какъ его не хотѣли пустить осматривать парижскія тюрьмы. Ему удалось при помощи британскаго посланника получить желаемое разрѣшеніе осмотрѣть тюрьмы, но въ Бастилію его такъ и не пустили. Онъ хотѣлъ проникнуть туда хитростью и поэтому цѣлыми часами простаивалъ у воротъ Бастиліи, выжидая момента, когда можно будетъ проскользнуть туда. Одинъ разъ ему удалось уловить минуту, когда ворота открыли, и онъ пробрался во внутренній дворъ. Однако тамъ его все-таки замѣтили и тотчасъ же вывели. По счастью этотъ смѣлый поступокъ Говарда не имѣлъ для него никакихъ дурныхъ послѣдствій, но ему такъ и не удалось побывать въ знаменитой тюрьмѣ. Говардъ чувствовалъ, что за стѣнами ея совершаются ужасы, и поэтому очень обрадовался, когда узналъ, что Бастилія разрушена французами, ненавидѣвшими эту тюрьму, и что находившіеся въ ней узники,—изъ которыхъ одинъ (графъ де-Лоржъ) пробылъ сорокъ лѣтъ въ заключеніи,—были выпущены на свободу. Годовщина разрушенія этой тюрьмы до сихъ поръ ежегодно празднуется французскимъ народомъ, такъ какъ съ воспоминаніемъ о ней связано воспоминаніе о многихъ прежнихъ ужасахъ и злоупотребленіяхъ.

Изъ Франціи Говардъ отправился въ Голландію, затѣмъ посѣтилъ снова Италію, уже не съ цѣлью поправленія здоровья, какъ прежде, а съ цѣлью осмотра тюремъ, и, вернувшись на родину, занялся изданіемъ своей книги, благодаря которой въ Англіи тотчасъ же было рѣшено произвести перемѣны въ тюремномъ управленіи и заняться переустройствомъ тюремъ.

Издавъ свою книгу, Говардъ снова отправился путешествовать, чтобы дополнить свои наблюденія, такъ какъ онъ хотѣлъ осмотрѣть не только тюрьмы, но и разныя благотворительныя учрежденія, преимущественно больницы. Въ Вѣнѣ съ нимъ былъ такой случай. Его пригласили на обѣдъ во дворецъ и, вопреки своему обыкновенію (Говардъ терпѣть не могъ придворныхъ церемоній и парадныхъ обѣдовъ), онъ принялъ приглашеніе. За столомъ одинъ изъ присутствовавшихъ началъ восхвалять заслуги австрійскаго императора, отмѣнившего пытку. На это Говардъ замѣтилъ: „Да, императоръ отмѣнилъ только одинъ видъ пытки, а другой оставилъ и, пожалуй, болѣе тяжкій, потому что эта пытка длится порою цѣлые годы. Несчастныя жертвы томятся въ заключеніи, въ ужасной, отравленной норѣ, до тѣхъ поръ пока не сознаются въ томъ, въ чемъ ихъ обвиняють“!

Англійскій посланникъ, сидѣвшій за обѣдомъ возлѣ Говарда, шепнулъ ему, чтобы онъ былъ остороженъ, такъ какъ его слова могутъ быть переданы императору, но упрямый англичанинъ громко возразилъ на это: „Я никогда не стану удерживаться отъ того, чтобы сказать правду, о комъ бы ни шла рѣчь. Я повторяю то, что сказалъ, и еще разъ заявляю, что это правда“.

Изъ Австріи Говардъ проѣхалъ въ Россію, посѣтилъ Петербургъ, Кронштадтъ, Москву, Вышній Волочекъ.

Въ то время (1781 г.) Россія была единственною страною въ Европѣ, гдѣ смертная казнь была отмѣнена и замѣнена наказаніемъ кнутомъ. Говардъ, однако, подозревалъ, что наказаніе кнутомъ можетъ также превратиться въ смертную казнь. Поэтому онъ однажды отправился смотрѣть на это наказаніе и очень внимательно

слѣдилъ за дѣйствіями палача. По окончаніи экзекуціи Говардъ разузналъ адресъ палача и отправился къ нему на квартиру, чтобы разспросить его. Подозрѣнія его подтвердились. Палачъ сознался ему, что онъ, дѣйствительно, можетъ нѣсколькими ударами причинить смерть осужденному. Изъ двухъ лицъ, наказаніе которыхъ видѣлъ Говардъ, мужчины и женщины, женщина отсалась жива, а мужчина умеръ.

Изъ Россіи Говардъ вернулся въ Англію, но на короткое время, чтобы провѣдать сына, и затѣмъ опять отправился путешествовать. Онъ видѣлъ, что его усилія преобразовать тюрьмы уже увѣнчались успѣхомъ. Въ Англіи дѣятельно работали надъ переустройствомъ тюремъ, такъ что Говардъ могъ бы прожить на покоѣ остатокъ дней своихъ, сознавая, что исполнилъ свой долгъ, но онъ хотѣлъ до конца выполнить свой обѣтъ. На югѣ Европы, въ приморскихъ мѣстностяхъ появилась страшная эпидемія чумы. И вотъ Говардъ — какъ это было въ молодости, когда онъ узналъ о землетрясеніи въ Лисабонѣ, — снова поспѣшилъ на помощь страждущему человѣчеству. Говардъ отправился во Францію, несмотря на то, что ему былъ запрещенъ туда въѣздъ. Французское правительство негодовало на него за то, что онъ писалъ о Бастиліи, и поэтому его предписано было арестовать, какъ только онъ появится въ Парижѣ. Но благодаря случайности онъ избѣжалъ ареста. Какъ разъ передъ его пріѣздомъ полиція арестовала множество лицъ и парижане были этимъ очень недовольны. Начальникъ полиціи, который долженъ былъ уѣхать на одинъ день изъ Парижа, побоялся раздражить еще болѣе населеніе Парижа и поэтому объявилъ своимъ подчиненнымъ, чтобы въ его отсутствіе они не смѣли производить никакихъ аре-

стовъ. Какъ разъ въ это время въ Парижъ пріѣхалъ Говардъ и только благодаря такому распоряженію начальника полиціи онъ не былъ арестованъ. Но Говардъ, конечно, не остался въ Парижѣ, а проѣхалъ въ Италію: пребываніе во Франціи для него было не безопасно. Изъ Италіи онъ поѣхалъ въ Константинополь, гдѣ въ теченіи цѣлаго мѣсяца исполнялъ обязанности врача, хотя никогда не былъ врачомъ. Но онъ самъ такъ часто хворалъ, что волей-неволей ознакомился съ леченіемъ многихъ болѣзней, и это знаніе очень пригодилося ему. Слухи объ его искусствѣ достигли султанскаго дворца, и одинъ изъ высокопоставленныхъ придворныхъ обратился къ нему съ просьбой полечить его дочь, которая была давно больна. Говардъ согласился, и ему удалось вылечить ее. Обрадованный отецъ предложилъ ему большую сумму денегъ, но Говардъ отъ нея отказался, а согласился только на то, чтобы отецъ его паціентки ежедневно присылалъ ему виноградъ изъ своего сада.

Добросердечный Говардъ не могъ видѣть, безъ содроганія страданій больныхъ въ Константинопольскихъ госпиталяхъ, гдѣ они валялись прямо на голомъ полу и гдѣ даже не было врача, чтобы оказать имъ помощь. „А между тѣмъ въ этомъ самомъ городѣ былъ устроенъ пріютъ для кошекъ!“—воскликаетъ Говардъ съ горечью, описывая Константинопольскія больницы. Говардъ дѣлалъ все, что могъ, чтобы облегчить участь несчастныхъ больныхъ, и ему удалось уговорить одного молодого доктора помогать ему въ этомъ святомъ дѣлѣ милосердія.

Говардъ слышалъ много рассказовъ о карантинныхъ больницахъ, гдѣ содержатся часто и совсѣмъ здоровые люди, пріѣзжающіе изъ такой мѣстности, гдѣ

существуетъ какая-нибудь заразная болѣзнь. Ему хотѣлось самому убѣдиться, насколько справедливы эти рассказы, судя по которымъ карантинныя больницы должны были представлять нѣчто ужасное. Съ этою цѣлью Говардъ нарочно отправился изъ Константинополя въ Венецію съ такимъ судномъ, на которомъ были больные и которое, поэтому, должно было попасть въ карантинъ. Но прежде чѣмъ оказаться тамъ, Говардъ чуть не попалъ въ руки пиратовъ. Но пути изъ Смирны въ Венецію въ погоню за судномъ, на которомъ находился Говардъ, пустилось другое большое судно, принадлежавшее тунисскимъ пиратамъ, которые явно намѣревались захватить въ плѣнъ судно со всѣмъ его экипажемъ. Всѣ находившіеся на суднѣ перепугались и не думали защищаться, считая это бесполезнымъ. Только Говардъ не упалъ духомъ: онъ понималъ, что ему грозитъ попасть въ рабство, и это мысль привела его въ такое негодованіе, что онъ рѣшилъ защищаться во чтобы то ни стало. По счастью для него на суднѣ оказалась старая пушка и достаточный запасъ пороха, но снарядовъ не было. Находчивый Говардъ, однако, придумалъ, какъ обойтись безъ снарядовъ: онъ зарядилъ пушку, чѣмъ попало: гвоздями, обломками желѣза и т. п., и выстрѣлилъ. Результатъ получился неожиданный: пираты испугались и немедленно прекратили погоню. Послѣ этого Говардъ благополучно прибылъ въ Венецію, и желаніе его исполнилось—онъ попалъ въ карантинъ и могъ на собственномъ опытѣ убѣдиться, что приходилось терпѣть несчастнымъ, которые попадали въ эти больницы.

Въ Венеціи Говардъ получилъ извѣстіе, что въ Англіи собираются деньги для того, чтобы воздвигнуть ему памятникъ при жизни. Это сильно взволновало и

огорчило его. Говардъ былъ необыкновенно скромный человѣкъ и терпѣть не могъ никакихъ отличій, никакихъ чествованій и почестей. „Каждый человѣкъ долженъ исполнять свой долгъ и дѣлать добро,—говорить онъ—и хвалить его не за что за это“. Онъ написалъ своимъ друзьямъ въ Лондонъ, умолялъ ихъ, чтобы они отговорили ставить ему памятникъ и чтобы собранныя на это деньги пошли на какое-нибудь доброе дѣло. Такъ и было сдѣлано.

Кромѣ этого извѣстія, Говардъ получилъ еще одно извѣстіе, которое глубоко потрясло его: его единственный сынъ былъ признанъ неизлѣчимо больнымъ, съумасшедшимъ. Говардъ рѣшилъ вернуться въ Англію, чтобы повидать его. Въ Вѣнѣ, гдѣ онъ остановился проѣздомъ, онъ былъ приглашенъ къ императору Іосифу II, который желалъ видѣть его и говорить съ нимъ. Сначала Говардъ хотѣлъ даже уклониться отъ этой чести, тѣмъ болѣе, что онъ терпѣть не могъ придворныхъ правилъ и ни за что не хотѣлъ подчиниться имъ. Онъ возмущался, напримѣръ, обычаемъ, предписывающимъ склонять колѣно передъ императоромъ. — „Я преклоняюсь только передъ Богомъ!“—объявилъ Говардъ. Видя, что съ упрямымъ англичаниномъ ничего не подѣлаешь, церемоніймейстеръ объявилъ ему, что онъ можетъ не соблюдать этого правила, но Говардъ все еще продолжалъ колебаться, и только когда ему сказали, что его посѣщеніе и разговоръ съ императоромъ могутъ принести пользу многимъ несчастнымъ, онъ пошелъ во дворецъ. Дѣйствительно, послѣдствіемъ его бесѣды съ императоромъ было то, что и въ Австріи обратили вниманіе на тюрьмы и на участь заключенныхъ въ нихъ и позаботились о переустройствѣ тюремъ. Императоръ Іосифъ II началъ лично посѣщать

тюремъ и госпитали и часто появлялся въ нихъ неожиданно, такъ что могъ самъ видѣть, какъ помѣщаются больные и арестанты и что они терпятъ.

Такъ какъ Говардъ пользовался тогда уже громкою извѣстностью во всей Европѣ, то въ теченіи двухъ дней, которые онъ провелъ въ Вѣнѣ, его посѣщали разные знаменитые люди. Между прочимъ, къ нему пріѣхалъ губернаторъ съ женой, очень нарядной дамой, и Говардъ, обратившись къ ней, спросилъ ее, бываетъ ли она въ тюрьмахъ и больницахъ.—„Я?—съ невыразимымъ удивленіемъ воскликнула разряженная дама — съ какой стати я пойду въ эти ужасныя мѣста!“ — Тогда Говардъ очень внушительнымъ тономъ замѣтилъ ей, что именно она, какъ женщина, должна выказывать больше состраданія къ несчастнымъ заключеннымъ и постараться облегчить ихъ участь, насколько это въ ея власти.

Конечно, такія рѣчи не понравились дамѣ, и она ушла, очень недовольная чудачкомъ англичаниномъ, предложившимъ ей, въ ея блестящемъ нарядѣ, посѣщать грязныя тюрьмы и больницы!

Въ Англіи Говарда ждали нерадостныя вѣсти: сынъ не узналъ своего отца и на выздоровленіе его не было никакой надежды. Говардъ старался усиленной работой заглушить свое горе. Нѣкоторымъ утѣшеніемъ для него служило то, что, дѣйствительно, его труды не пропали даромъ: въ тюрьмахъ и больницахъ Англіи введены были разныя улучшенія, и люди, понадавшие теперь въ тюрьму, уже не валялись больше въ грязи, какъ прежде, и не были лишены самого необходимаго. Но Говарду хотѣлось также добиться нѣкоторыхъ измѣненій въ англійскихъ законахъ, которые были очень жестоки въ то время и карали смертю, напр., даже за

покражу овцы, простое мошенничество и воровство. Благодаря Говарду и въ этомъ отношеніи произошла перемѣна: англійскіе судьи стали болѣе милосердными.

Говардъ не могъ долго усидѣть на мѣстѣ. Издавъ свою новую книгу о тюрьмахъ, въ которой онъ сообщалъ результаты своихъ наблюденій, сдѣланныхъ надъ тюремнымъ бытомъ въ другихъ странахъ, Говардъ рѣшилъ снова отправиться на востокъ, въ Россію. Это было какъ разъ во время войны Россіи съ Турціей, въ 1789 г. Ему хотѣлось осмотрѣть русскіе военные госпитали и казармы и на опытѣ убѣдиться, какъ живутъ русскіе солдаты. Говардъ былъ тогда уже совсѣмъ старикъ: слабый и больной тѣломъ, онъ былъ, однако, силенъ духомъ и эта сила поддерживала его. Никакія лишенія и трудности пути не пугали его. Его постоянно воодушевляло желаніе помогать несчастнымъ, страждущимъ и больнымъ, и уменьшать зло, существующее на землѣ. Движимый этимъ чувствомъ, онъ отправился на югъ Россіи, чтобы быть поближе къ мѣсту военныхъ дѣйствій. И въ самомъ дѣлѣ, тамъ онъ нашелъ обширное поле дѣятельности. Въ это время въ Херсонѣ вспыхнула тифозная эпидемія: люди умирали сотнями и мѣста въ больницахъ не хватало. Говардъ проявилъ тутъ необычайную неутомимость, онъ ухаживалъ за больными, лѣчилъ ихъ, помогалъ имъ. Въ народѣ стали смотрѣть на него, какъ на святого, и всѣ надежды возлагали только на его помощь. Его всѣ считали необыкновенно искуснымъ врачомъ и поэтому къ нему обратился одинъ богатый помѣщикъ, единственная дочь котораго заболѣла тифомъ въ деревнѣ, въ 24-хъ верстахъ отъ Херсона. Говардъ сначала отказался ѣхать туда, сказавъ, что онъ лѣчитъ только бѣдныхъ, которые не въ состояніи заплатить доктору и не могутъ купить лѣкарства.

Но отецъ, вѣрившій, что только Говардъ, слывшій святымъ человѣкомъ и искуснымъ врачомъ, можетъ спасти его дочь, умолялъ его пріѣхать. Дѣйствительно, какъ только Говардъ пріѣхалъ, въ состояніи больной наступило улучшение, но увы! оно продолжалось не долго, и больная умерла. Говардъ, ухаживавшій за больною дѣвучкой со свойственнымъ ему самоотверженіемъ, заразился отъ нея тифомъ и, по возвращеніи въ Херсонъ, слегъ въ постель. Сначала онъ думалъ, что это простая простуда, но вскорѣ понялъ, что заразился страшной болѣзью. Тогда онъ выразилъ окружающимъ желаніе, чтобы его похоронили безъ всякой пышности и чтобы о немъ позабыли какъ можно скорѣе. Первое желаніе его было исполнено, но второе не можетъ и не должно быть исполнено. Благодарное человѣчество не можетъ и не должно забывать того, кто всю свою жизнь посвятилъ на служеніе ближнему, кто заботился о несчастныхъ, томящихся въ заключеніи, о больныхъ и страдающихъ людяхъ и кто первый заговорилъ о томъ, что преступники—такіе же люди, какъ и всѣ, что надо ихъ жалѣть и обращаться съ ними человѣчно.

Э. Пилменова.

Каменный возъ.

(Башкирская легенда).

ОВНО полсутокъ проходили мы лѣтомъ прошлаго года по лѣсамъ Мурзаларской дачи, которая все еще не утратила своей цѣльности, несмотря на безобразное хищничество какъ со стороны самихъ башкиръ, такъ особенно со стороны лѣсопромышленниковъ,—а дичи добыли весьма и весьма немного: у троихъ оказалось всего два тетерева. Даже наши собаки въ какомъ-то уныніи слѣдовали за нами, какъ бы стыдяся бѣжать впереди. Не говорилось. То тотъ, то другой сердито перекидывалъ бесполезное ружье съ одного плеча на другое.

Мы вышли наконецъ изъ сплошнаго лѣса. Передъ нами открылась большая степь, бывшая когда-то тоже подъ лѣсомъ, а теперь покрытая густой травой, да изрѣдка мелкимъ кустарникомъ. Кой гдѣ поднимаются невысокіе зеленые холмы—фланги Урала.

— Чертъ знаетъ, какое безобразіе! Не меньше ста верстъ исходили и все попусту. И куда это подѣвалась вся птица? Хоть-бы одна гдѣ объявилась. Точно на смѣхъ, — не утерпѣлъ, наконецъ, Василій Ильичъ,

сплевывая себѣ подъ ноги.—Теперь если-бы цѣлая стая рябцовъ встрѣтилась, на зло не выстрѣлю. Провались они! Срамъ, что такое.

— Распугали что-ли ее?—недоумѣвалъ молодой Иванъ Петровичъ, которому не удалось выпустить ни одного заряда.

— Ну, батюшка! Трудно распугать всю птицу на такомъ громадномъ пространствѣ. Для этого мало распустить по лѣсу цѣлую дивизію съ барабанами и разными громогласными трубами.

— Я не про людей говорю. Можетъ быть, усилились хищныя птицы, вотъ и распугали.

— Мы даже и вороны не видѣли.

— Такъ чѣмъ-же, по-вашему, объясняется отсутствіе птицъ?

— Чѣмъ? Тѣмъ, конечно, что нѣтъ ея.

— Не даромъ, какъ мы входили въ лѣсъ, первую птицу увидѣли кукушку.

— Проклятая кукушка! И полетѣла со своимъ безобразнымъ крикомъ, точно въ нее стрѣлять хотѣли, въ дуру такую. Надо бы пустить зарядъ ей въ хвостъ.

— Всѣмъ намъ хорошо извѣстно, что птицы здѣсь много,—вмѣшался я. — Не могла-же кукушка всю ее оповѣстить объ опасности. А вотъ на прошлой недѣлѣ я видѣлся съ здѣшнимъ лѣсничимъ. Онъ говорить, что замѣтилъ однажды множество разной птицы въ одномъ мѣстѣ. Нѣсколько деревьевъ было сплошь усажено ею, а на самой верхушкѣ одной сухой сосны сидѣлъ старый глухарь, вытягивалъ шею, ворочалъ голову изъ стороны въ сторону, легонько трепеталъ крыльями, совсѣмъ какъ бы лекцію читалъ. Можетъ быть, онъ надумилъ птицъ убраться отъ грѣха въ самыя непроходимыя дебри.

— Что-же лѣсничій? Вѣдь онъ самъ охотникъ. Такъ, развѣсивъ уши, послушалъ лекцію ученаго глухаря и прочъ пошелъ съ поклономъ?

— Онъ былъ безъ ружья.

— Жаль, что я не наткнулся на эту аудиторію. Господинъ лекторъ прежде всего испробовалъ бы на себѣ плоды просвѣщенія, что-бы другому не повадно было учить уму-разуму птичій народъ.

— Однако, не худо-бы привалъ сдѣлать,—предложилъ Иванъ Петровичъ.—Ноги едва плетутся.

— Правда, хотя желудки наши и ягдташи не особенно тяготятъ ихъ,—согласился Василій Ильичъ.—Вы чего?—стремительно спросилъ онъ Ивана Петровича, который быстро вскинулъ ружье на руку, щелкнувъ по пути куркомъ. Въ то-же время Василій Ильичъ и самъ продѣлалъ то-же самое со своимъ ружьемъ. Но онъ еще не успѣлъ осмотрѣться, какъ Иванъ Петровичъ выстрѣлилъ. Летѣвшая въ нѣкоторомъ отдаленіи ворона перевернулась въ воздухъ и неуклюже упала въ траву, а нѣсколько впереди заяцъ сдѣлалъ испуганный прыжокъ и исчезъ.

— Стрѣлялъ въ зайца, попалъ въ ворону,—разочарованно промолвилъ Василій Ильичъ.—Глупая птица сама налетѣла на выстрѣлъ.

— Собаки будто знаютъ, что это не охотничій выстрѣлъ, ни одна и не думаетъ бѣжать,—замѣтилъ я.

— А въ самомъ дѣлѣ, неужели онѣ понимаютъ?—интересовался Иванъ Петровичъ.

— А вотъ попробуемъ.

Василій Ильичъ обернулся, позвалъ своего Турнеля и указалъ рукой въ сторону убитой вороны. Но Турнель, быстро подбѣжавъ къ своему хозяину, взглянулъ туда въ полъ-оборота, облизнулся и обидчиво сѣлъ

какъ будто нарочно повернувшись въ ту сторону спиной. „Мнѣ, дескать, высокородному псу, не пригоже за всякой падалью бѣгать“.

— Ишь, дрянъ, понимаетъ — засмѣялся Василій Ильичъ, трепля умную голову своего Турнея.

— Можетъ быть, онъ не пошелъ отъ усталости и голода, замѣтилъ Иванъ Петровичъ. — Отдохнуть-бы... Да вотъ, на пригоркѣ славно будетъ. Видъ, вѣроятно, чудесный, дрова не далеко, если пролежимъ до поздней ночи.

— Вотъ охотникъ на виды! Въ другой разъ пойдемъ, надо будетъ взять съ собой какіе-нибудь объективы. Во всякое время можно будетъ двустволку превратить въ зрительную трубу,—брюзжалъ Василій Ильичъ.—Молодость! Неудачу хочетъ загладить какимъ-то удовольствіемъ созерцанія прелестей природы.

— Здѣсь, господа, воды нѣтъ, — замѣтилъ я. — А между тѣмъ, послѣ такой усталости и сухояденія не худо будетъ чайку хлебнуть. Да и собаки наши...

— Это правда. Однако, на холмъ все-же надо забраться. Можетъ быть, увидимъ гдѣ нибудь озеро или болотину. Авось по-пути удастся выпустить зарядъ-другой... Эхъ, куда насъ нелегкая занесла! Нельзя даже опредѣлить, гдѣ находимся, какая ближайшая деревня отсюда. Придется итти наугадъ по прямой линіи, чтобы выйти на какую нибудь деревню.

— Неудача никогда не ходитъ одна, а всегда ведетъ другую,—замѣтилъ Иванъ Петровичъ.—Избранная нами прямая линія можетъ пройти мимо всѣхъ селеній, и мы выйдемъ къ Владивостоку.

— Чертъ возьми, пріятная прогулка! Не ждать же, однако, здѣсь, когда проѣдетъ или пройдетъ какой

нибудь башкирь. Тутъ и дорогъ-то никакихъ нѣтъ.

Мы взобрались на небольшой холмъ. Товарищи мои тотчасъ стали осматривать окрестности, а я повалился на траву,

— Ничего не видать,—разочарованно объявилъ Василій Ильичъ, немного спустя.—Глушь и глушь. Трава, мелкій кустарникъ, холмы, вдали горы, а слѣва мертвый лѣсъ—вотъ и все.

— Вонъ тамъ точно дорога, — промолвилъ Иванъ Петровичъ.—По ней тоже какой-то горемыка-охотникъ идетъ.

Мы съ Василиемъ Ильичемъ посмотрѣли въ ту сторону. Вдали, дѣйствительно, медленно двигался человекъ съ ружьемъ на плечѣ.

— Ну, пусть его проходить. А мы немного отдохнемъ, перекусимъ да побредемъ на другой холмъ. Воду надо найти засвѣтло. А можетъ быть и деревню откроемъ, да только лучше поле, чѣмъ башкирская деревня. Кстати, вотъ и камень, ровно нарочно для трапезы устроенъ. Какая форма, точно вытесанъ, — удивлялся Василій Ильичъ.

Я молча занялся выпрастываніемъ своей сумы.

— А не худо-бы намъ, если заночуемъ здѣсь гдѣ нибудь, одного тетерева изжарить или сварить,—предложилъ Иванъ Петровичъ.

— Я уже подумывалъ объ этомъ,—отозвался Василій Ильичъ.

— А охотникъ, смотрите, къ намъ свернулъ и идетъ довольно быстро, точно торопится.

— Пусть идетъ,—отвѣтилъ Василій Ильичъ, продолжая осматривать со всѣхъ сторонъ камень.—Странная, однако, работа природы,—продолжалъ онъ.—Право,

можно думать, что онъ вытесанъ руками человѣка. Не надгробный ли ужь это памятникъ?

Иванъ Петровичъ мелькомъ взглянулъ на камень, развязывая свою суму, а я и вовсе не обратилъ на него вниманія.

Между тѣмъ охотникъ уже взбирался на холмъ. Собака его перѣшитительно тявкнула раза два. Наши осматривали ее съ молчаливымъ достоинствомъ.

— А, Манафъ, это ты,—узналъ я знакомаго охотника.—Садись, вмѣстѣ отдыхать будемъ да къ тебѣ въ деревню почевать. Пустишь?

— Какъ не пустимъ, Василий Ивановичъ. Всегда иди. Только моя деревня тридцать верстъ будетъ, а скоро ночь,—отвѣтилъ Манафъ, стоя на мѣстѣ и слегка косясь на камень, такъ заинтересовавшій Василія Ильича.

— Ну, здѣсь ночуемъ. Садись, поѣдимъ, что Аллахъ послалъ,—костеръ разведемъ, ты намъ тетерева изжаришь, больно хорошо будетъ. Я знаю, ты большой мастеръ на этотъ счетъ.

— Только не здѣсь, Василий Ивановичъ,—серьезно отвѣтилъ Манафъ.

— Почему не здѣсь?

— Старикъ придетъ.

— Какой старикъ? Зачѣмъ придетъ?

— Кормить будетъ,—односложно и уже угрюмо промолвилъ Манафъ, отворотившись.

Я взглянулъ на него, ничего не понимая.

— Ишь, уже кормилъ кого-то, крошки остались,—продолжалъ онъ, кивая ухомъ на Василія Ильича, который, стоя на ногахъ, ковырялъ ногтемъ небольшой осколокъ камня.—Или самъ ѣлъ,—докончилъ Манафъ, немного погодя, сплюнулъ и устремилъ взглядъ въ сторону уже скрывавшагося за лѣсомъ солнца.

Во все это время выраженіе всей фигуры Манафа было таково, что я, несмотря на усталость, приподнялся и засыпалъ его вопросами.

— До нашего прихода тутъ и слѣдовъ никакихъ небыло, ровно во все лѣто никто и не заглядывалъ сюда. Какой старикъ придетъ? Чѣмъ кормить будетъ?

— Старикъ придетъ,—упрямо отвѣтилъ Манафъ,—а кормить будетъ вотъ этимъ, въ полъ-оборота указаль онъ на камень.—Лучше пройдемъ вонъ за тотъ холмъ. тамъ рѣка, хорошо будетъ. Всего полверсты.

— Ловко,—почесаль я за ухомъ.—Старикъ какой-то придетъ и будетъ камнемъ кормить.

— Это не камень,—возразилъ Манафъ.

— А что же?

— Возъ.

— Часъ отъ часа не легче. Возъ какой-то.

— Однако, господа, странное строеніе камня,—сказаль въ это время Василій Ильичъ.—Такого причудливаго строенія со стороны природы я не видалъ. Совсѣмъ зерна ржи, а между тѣмъ и на видъ, и на зубъ—камень.

Манафъ односложно крикнулъ свою собаку и молча сталъ спускаться съ холма.

— Уйдемъ отсюда, а осколокъ бросьте, промолвилъ онъ глухо.

Я молча сталъ разсматривать осколокъ камня, а Иванъ Петровичъ между тѣмъ передалъ Василию Ильичу мой разговоръ съ Манафомъ.

— Идемъ, идемъ за нимъ,—заторопился Василій Ильичъ, спрятавъ осколокъ въ карманъ жилета.—Всѣ выгоды итти. Онъ приведетъ насъ къ рѣкѣ—а это не дурно, изжарить тетерева—что тоже не плохо, расскажемъ, что знаетъ, объ этомъ камнѣ—и это не мѣшаетъ.

Мы узнаемъ у него, гдѣ находимся, а мѣсто это на всякій случай замѣтимъ. Вотъ и весь планъ дѣйствій.

Мы спустились съ холма. Я окрикнулъ Манафа, онъ остановился.

— А вы не взяли камня?—прежде всего спросилъ Манафъ, когда мы подошли къ нему.

— Нѣтъ, на что намъ его, — отвѣтилъ Василій Ильичъ. А что бы было, еслибы мы взяли?

— Старикъ придетъ, кормить будетъ, — серьезно отвѣтилъ Манафъ.

— Что-то ты, Манафъ, непонятное говоришь, замѣтилъ я.—Ты расскажешь намъ объ этомъ камнѣ?

— А?—какъ бы не разслышалъ Манафъ.

-- Расскажешь, говорю, объ этомъ камнѣ?

Манафъ не отвѣтилъ.

— Что же ты молчишь?

— Вотъ скоро къ водѣ придемъ.

— Я не о водѣ спрашиваю.

— А? О худомъ не надо говорить къ ночи.

Я замолчалъ; молча шли и другіе. Очевидно, Манафъ зналъ какую-то легенду о *возѣ*, какъ онъ называлъ камень, но говорить не хотѣлъ. Потомъ выяснилось, что мы всѣ трое въ это время соображали, какъ бы выпытать у Манафа эту легенду.

Скоро мы взошли на другую возвышенность, полого спускавшуюся прямо къ рѣкѣ.

— Вотъ здѣсь можно отдохнуть,—сказалъ Манафъ, снимая ружье, сумку и лисицу, которая болталась у него за спиной и къ которой наши собаки тотчасъ направили свои носы. Манафъ замѣтилъ это.

— Что, поохотиться захотѣли? Погодите, вотъ воды принесу, костеръ разведемъ, тогда будетъ вамъ всѣмъ.

— Какъ ты, Манафъ, убилъ лису?—спросилъ Василій Ильичъ.

— А такъ, баринъ, прямо въ лобъ.

— Трудно лису подкараулить въ лобъ.

— Я давно караулилъ ее. Здѣсь у нея гдѣ нибудь нора. Сегодня долго стоялъ на одномъ мѣстѣ, все ждалъ не покажется-ли. Вдругъ она и въ правду выбѣжала прямо на меня. Курокъ у меня былъ взведенъ и ружье наклонено какъ разъ въ ту сторону. Одна минута, меньше даже—и она ткнулась мордой въ траву, не замѣтила, откуда и смерть пришла.

— Почему же ты не снялъ шкуру на мѣстѣ?

— Для чего шкуру снимать на мѣстѣ? Мясо собакъ кормъ... Я сейчасъ принесу воды, господа. Надо пить чай.

И Манафъ съ двумя мѣдными чайниками пошелъ къ рѣкѣ.

— Господа, надо заставить его рассказать о камнѣ,—заговорили мы всѣ вдругъ.

— Манафъ не хочетъ рассказывать. Надо какъ нибудь подойти къ нему обходомъ,—предложилъ Иванъ Петровичъ.

— Усыпимъ его бдительность посторонними разговорами,—сказалъ Василій Ильичъ,—коньячкомъ угостимъ, а потомъ...

— Можно ему денегъ предложить сколько нибудь,—замѣтилъ Иванъ Петровичъ.

— Я, господа, знаю Манафа давно,—возразилъ я.—Немного денегъ онъ не возьметъ, такъ какъ не жаденъ на нихъ и не бѣденъ самъ, а много у насъ не найдется. Лучше послѣдовать совѣту Василія Ильича.

На томъ и рѣшили.

Скоро воротился Манафъ съ полными чайниками воды, умытый, какъ полагается хорошему магометанину.

— Вотъ вода,—сказалъ онъ. — Вода хорошій даръ Аллаха. Безъ воды ничего нѣтъ. Надо уважать воду. Умойтесь, господа. Послѣ жары хорошо умыться. Совсѣмъ свѣжій дѣлается человѣкъ... Я пойду, дровъ принесу. Комаровъ гонять надо, чай варить тоже.

Онъ скоро наносилъ большой ворохъ сухого кустарника, и немного спустя мы уже пили чай, а собаки, закусившія лисой, лѣниво растянулись подъ дымомъ.

Содержимое моей фляги довольно таки поубавилось. Манафъ тоже приложился разокъ—другой. Глаза его блестяли и языкъ никакъ не лежалъ смирно.

— А что, Манафъ,—заговорилъ Василій Ильичъ,—въ этой мѣстности есть медвѣди?

— Нѣтъ, здѣсь нѣту. Лѣсъ рѣдкій и жилья много. Глухихъ мѣсть нѣтъ. Въ сторонѣ нашей деревни Ташъ-аула они водятся.

— Ихъ деревня какъ есть медвѣжій уголъ,—пояснилъ я.—Въ какомъ-то ущельи, окружена глухимъ лѣсомъ, отъ другихъ деревень далеко. Можетъ быть, эти условія и вліяютъ на то, что тамошніе башкиры не такъ испорчены, какъ жители другихъ деревень, болѣе оживленныхъ.

— Намъ спорить не изъ-за чего, достаетъ всѣмъ,—отозвался Манафъ.

— А ты много убилъ медвѣдей?—не уклонялся Василій Ильичъ отъ намѣченной цѣли.

— Ну, много - немного, а десятокъ другой-третій положилъ. У меня вся грудь испарапана, лѣвая рука мята зубами. Аю (медвѣдь) деретъ, ломаетъ да зубами мнетъ, перекусить хочетъ. Волкъ—тотъ вотъ такъ мотаетъ, оторвать хочетъ,—и Манафъ показалъ, какъ волкъ оторвать хочетъ, помотавъ головой изъ стороны въ сторону.

— А въ деревню къ вамъ не заходить аю?

— Въ деревню не ходить, а около деревни бываетъ. На той сторонѣ рѣки, противъ нашей деревни, часто выходитъ на гору. Собаки скорѣе всѣхъ видятъ его, лаютъ. Тогда весь скотъ беспокоится. Корова реветъ—въ поле бѣжать хочетъ, коза въ хлѣвъ бѣжить, лошадь фыркаетъ, лягаетъ. Ребята наши башкирскія купаются въ рѣкѣ—кричатъ на него, руками махаютъ, со дна камень берутъ—въ него бросаютъ. А онъ, аю-то, реветъ, на заднія лапы поднимается, головой вотъ такъ мотаетъ... Ну, надоѣстъ, знамо дѣло. Кто-нибудь изъ башкиръ выйдетъ, стрѣляетъ въ него—уходить.

— Шкуру, конечно, продаешь. А мясо куда дѣваешь?

— Куда мясо? бросаемъ. Собакъ кормимъ немного. Сало беремъ, оно годится въ хозяйствѣ.

— Ты бы и мясо продавалъ. Его вѣдь ѣсть можно

— Наши не ѣдятъ, а господамъ продавать не буду. Даже если бы губернаторъ потребовалъ мяса—не сталъ бы рѣзать. Аю убилъ бы, а мясо, нога-то, пускай самъ рѣжетъ или становому велить. Вотъ, онъ пусть рѣжетъ и посылаетъ.

При этихъ словахъ Манафъ почесалъ у себя затылокъ.

— Развѣ вамъ даже рѣзать нельзя медвѣжье мясо?

— Рѣзать можно. Только я однажды рѣзалъ да посылалъ исправнику, онъ мнѣ потомъ шею билъ. Не пошлю больше никому.

— За что же онъ тебѣ шею билъ? Видно, ты въ подарокъ послалъ?

— Какой подарокъ! Онъ самъ просили и деньги хотѣли платить, а вмѣсто того только шею били да этапомъ еще хотѣли пускать. Ай! ай!

— Что ты говоришь? Какъ могло случиться это когда исправникъ самъ заказалъ тебѣ мясо?

— Четыре лѣта, нѣтъ—пять лѣтъ назадъ довелось мнѣ быть съ товарищемъ на той сторонѣ Урала, въ городѣ. Ярмарка тамъ въ лѣтняго Николу. Солдатъ одинъ остановилъ меня на улицѣ.—„Ты, говоритъ, откуда, башкиръ“?—Ташъ-ауловскій, отвѣчаю.—„Есть-ли паспортъ?“ спрашиваетъ. Я испугался. Нашему брату опасно и ходить въ городъ.—Нѣтъ, говорю, ваше благородіе.—„А чѣмъ занимаешься?“—Я, говорю, охотникъ Манафка, ваше благородіе. Всѣ знаютъ...—„А! ты охотникъ, говоритъ,—пріѣхалъ сюда на ярмарку охотиться на чужое добро! Пойдемъ къ надзирателю.“ Тащилъ меня. Я больно испугался. Надзиратель господинъ допросилъ меня и сажалъ въ кутузку. Тутъ у меня солдатъ отобралъ деньги восемьдесятъ копѣекъ. Утромъ вызвали меня. „Иди, говорятъ, Манафка, исправникъ требуетъ.“ Исправникъ спросилъ меня обо всемъ. „Вижу я, говоритъ, что ты слишкомъ глупый для того, чтобы воровать. Товара у тебя никакого нѣтъ и денегъ только восемьдесятъ копѣекъ. Ступай изъ города домой. Если убьешь медвѣдя, привези къ зимнему Николѣ (тоже ярмарка) шкуру и заднюю ногу медвѣжью. Я, говоритъ, тебѣ деньги заплачу. Только, чтобы медвѣдь тотъ не ѣлъ человѣка.“ Я сказалъ: ладно, убью, человѣка не ѣстъ—и скорѣе ушелъ. Осенью, послѣ вашего праздника *веденья*, я нашелъ одного медвѣдя, убилъ его и привезъ домой. У старосты нашего взялъ удостовѣреніе съ печатью, что медвѣдь человѣка не ѣлъ. Староста самъ смотрѣлъ съ понатыми въ брюхо-то. Повезъ я шкуру и ногу въ городъ. Исправника дома не было. Барыня его не хотѣла купить: „я, говоритъ, не знаю.“ Шкуру я продалъ въ лавку за пятнадцать рублей, а

ногу отнесъ надзирателю, который былъ въ то время, когда исправникъ заказывалъ ногу-то. Надзиратель согласился передать ее исправнику, а за деньгами велѣлъ пріѣхать послѣ. Удостовереніе старосты я отдалъ ему же. Лѣтняго Николы время пришло, я опять былъ въ городѣ съ товарищемъ, пришелъ къ исправнику. Такъ и такъ, говорю, я—Манафка.—„Какой, говорить, ты Манафка? чего тебѣ надо?—Такъ и такъ, говорю, ваше высокоблагородіе велѣли мнѣ въ прошломъ году медвѣжьёю ногу-то...—„А, говорить, медвѣжьёю ногу! Ахъ ты такой—сякой! вотъ тебѣ за медвѣжьёю ногу-то.“ Повернули меня къ двери да въ шею били, ногой вотъ сюда толкали, солдату велѣли на улицу гонять, кричали еще, что этапомъ посылать будутъ. Вотъ какъ насъ за медвѣжьёю ногу-то! Ничего, хорошо! Платили все сполна. Будемъ помнить теперь медвѣжьёю ногу-то. Бѣгомъ бѣжалъ я на квартиру, запрягъ лошадь и хотѣлъ ѣхать домой. Товарищъ сказалъ мнѣ: „Можетъ, еще какая ошибка, Манафъ, или что. Ты бы поговорилъ съ солдатомъ, который у исправника. Ну, дай ему двадцать копѣекъ. Можетъ быть, онъ скажетъ, зачѣмъ исправникъ такъ поступили“. Я согласился, только просилъ его постоять съ лошадьми недалеко отъ квартиры исправника за угломъ. Коли, моль, станетъ исправникъ этапомъ посылать, бѣгу и скорѣе уѣдемъ. Выглянулъ я тихонько изъ-за угла, исправниковъ солдатъ у крыльца стоитъ, трубку курить. Я снялъ шапку, положилъ туда двугривенный монетъ и подошелъ къ нему. Такъ и такъ, говорю, господинъ солдатъ, скажи пожалуста, какой-такой вина за мной нашлась, исправникъ господинъ, его высокоблагородіе, гоняли меня. Солдатъ заглянулъ въ шапку, взялъ монетъ и сказалъ: „Вотъ что, Манафка. Вижу, что ты хорошій баш-

кирь, и скажу тебѣ. Ту ногу-го медвѣжьё исправникъ копитъ отдали нѣмцу. Хорошій нѣга вышелъ, жирный. Зимой, конецъ декабря время, у насъ праздникъ бываетъ большой. Исправникъ вездѣ были, гости звали къ себѣ. „Идите, говорить, у меня нѣга медвѣжьё есть“. Много пришли господа, барыни всякія. Исправникъ всѣхъ угощали. „Человѣка, говорить, медвѣдь не ашалъ (ѣлъ). Вотъ удостовѣреніе старосты объ этомъ, съ печатью“. Удостовереніе тутъ же было привязано къ лапѣ. Всѣ ѣли, хвалили нѣга-то. Потомъ пришелъ туда секретарь исправника. Онъ хорошо зналъ „татарски грамота“. Исправникъ велѣли ему читать и переводить удостовѣреніе, чтобы никто не сомнѣвался. Секретарь читалъ сначала все по-татарски, вдругъ смѣялся громко. Исправникъ спросили его: „За что смѣшно, секретарь?“ Секретарь сталъ переводить удостовѣреніе, а тамъ написано, что медвѣдь человѣка ашалъ. Всѣ плевать стали, барыни въ кухню бѣжали, на дворъ тоже, рвало ихъ, говорилъ солдатъ. А нѣга-то медвѣжьё тогда исправникъ велѣли собакамъ бросать. Вотъ какъ!

Манафъ посмѣялся надъ этимъ опытомъ продажи медвѣжьёго мяса, и мы съ нимъ, а фляга моя уже лежала въ сторонкѣ, какъ не нужная...

— И много онъ далъ тебѣ въ шею-то?

— Ну, много-немного, а маклашка пять-шесть, до десятка положилъ, слава Богу. Что будешь дѣлать, куда пойдешь, кому скажешь?

— Все-женепонятно,—недоумѣвалъ Василій Ильичъ.—Какъ же староста написалъ такое удостовѣреніе, если не изъ чего было заключить, что медвѣдь ѣлъ человѣка?

— Вотъ и я дорогой сталъ думать: какъ такъ, че-

ловѣка ашалъ? Не ашалъ медвѣдь человѣка. Староста нашъ Муллагіяръ—человѣкъ хорошій, зря писать не станетъ. Домой пріѣхалъ, спросилъ старосту: ты, ага Муллагіяръ, что писалъ въ томъ удостовѣреніи?—„Въ какомъ?“ говоритъ.—А вотъ на медвѣжью ногу-то.—„Писалъ, говоритъ, что медвѣдь былъ живой, убить Манафкой изъ винтовки, въ немъ человѣка не оказалось, а въ брюхѣ найдена только желѣзная пуговица съ лоскуткомъ матеріи, которую жена пропавшаго охотника Аблайки признала отъ его рубахи“.—Шайтанъ (бѣсъ) ты, говорю, ага Муллагіяръ. Зачѣмъ писалъ про пуговицу? За это меня исправникъ били, этапомъ посылать хотѣли еще.—„Про пуговицу писалъ затѣмъ,—сказалъ староста,—что она найдена. Человѣкъ не найденъ, я такъ и писалъ. А ты, говоритъ, ступай, лежи сутки въ кутузкѣ, за то—не ругай меня шайтаномъ. Я староста, а не шайтанъ“. Я бѣжалъ отъ него домой, въ хлѣвъ спрятался. Мало погода, пришелъ десятскій Хайрулла, въ избѣ не нашелъ меня, на дворъ вышелъ. „Айда, говоритъ, Манафка, въ кутузку тебя запирать надо, лежи тамъ одинъ сутка, староста велѣли“,—За что, спрашиваю, староста запирать меня велѣли?—„А не ругай, говоритъ, его шайтаномъ“. Ну, что дѣлать, сутки лежалъ. И все эта медвѣжий нога-то! Теперь и губернатору продавать не буду. Пусть рѣжетъ самъ или становому велить.

Смѣясь надъ разсказомъ, мы испробовали содержимое фляги Ивана Петровича. Манафъ окончательно развеселился. Вино заставляеть человѣка дѣлать то, чего онъ не желаетъ.

Василій Ильичъ взглянулъ на меня и крикнулъ. Опасаясь, чтобы онъ не поставилъ вопроса слишкомъ прямо, я поспѣшилъ спросить:

— Для чего же, Манафъ, староста упомянулъ о пуговицѣ? Вѣдь очевидно, если въ брюхѣ осталась пуговица, то и весь Аблайка—охотникъ былъ тамъ?

— Староста писалъ противъ словъ исправника. Исправникъ говорилъ, чтобы медвѣдь не ѣлъ человѣка. Никакого человѣка у него въ брюхѣ не оказалось — и староста удостовѣрилъ это. А о пуговицѣ исправникъ не говорилъ, потому староста и написалъ о ней.

— Чудной вы, однако, народъ.

— Значить, тотъ медвѣдь Аблайку—охотника съѣлъ.

— Должно быть съѣлъ, коли пуговица нашлась у него въ брюхѣ. Аблайка не задолго передъ тѣмъ на охоту пошелъ и пропалъ. Староста заявилъ уряднику, тотъ становому, розыскъ былъ по всей губерніи—нѣтъ, не нашелся Аблайка; такъ и теперь нѣту. Жена его уже замужъ вышла.

— А что, Манафъ, давно ты въ этихъ мѣстахъ охотишься?—спросилъ Василій Ильичъ.

— Давно. Мнѣ было лѣтъ десять, а дѣдъ уже бралъ меня съ собой на охоту. Съ того времени я постоянно охотничаю, а мнѣ скоро уже шестьдесятъ лѣтъ. Всю эту мѣстность я знаю кругомъ.

— И случалось ночевать вотъ какъ мы теперь?

— Какъ не случаться, случалось. Мы съ дѣдомъ ходили недѣли по двѣ, по три, и случалось ночевать вездѣ.

— А вотъ на томъ холмѣ, гдѣ этотъ *возъ*, ночевали?

— Нѣтъ,—односложно отвѣтилъ Манафъ.

Я инстинктивно потянулся къ флягѣ Ивана Петровича, который принялся рѣзать поджареннаго тетерева—образецъ кулинарнаго искусства Манафа.

— Вздоръ какой-то ты говоришь. Что тамъ этотъ

камень? Какой такой старикъ? Всѣ мѣста земли охраняются Аллахомъ,—не отступалъ уже Василій Ильичъ.

— Съ воли Аллаха и дѣлается на томъ мѣстѣ то, что дѣлается.

— Ну, расскажи, что тамъ дѣлается такое.

— Нѣтъ,—съ рѣзкостью въ голосѣ отвѣтилъ Манафъ.

— Господа! надо выпить по глотку да закусить те-терькой. Право, хорошо будетъ,—предложилъ Иванъ Петровичъ, чтобы замять разговоръ, принявшій неудобный оборотъ.

Предложеніе было принято. Но Василій Ильичъ не расположенъ былъ болѣе тянуть. Брови его нахмурились и глаза вспыхивали.

— Вовсе ничего особеннаго тамъ не бываетъ,—сказалъ онъ.—Такой же холмъ, какъ и этотъ, и всякій другой. Такъ, старыя бабы набрехали какую нибудь чепуху, а разные Манафы вѣрятъ.

— Ступай, сходи, повѣришь и ты, угрюмо отозвался Манафъ.—Если у тебя зубы желѣзные и брюхо котелъ чугунный, ступай.

— Ну что жъ, и пойду, и принесу тебѣ цѣлый уголъ этого *воза*,—заявилъ Василій Ильичъ, быстро вскочилъ на ноги и рѣшительно направился къ спуску съ холма, позвавъ на ходу свою собаку.

Шаги его постепенно замирали и, наконецъ, стали вовсе не слышны. Мы съ Иваномъ Петровичемъ были въ напряженномъ ожиданіи. Минута была рѣшительная. Если Манафъ не сдастся—пропала легенда.

Манафъ сидѣлъ, склонивъ голову на ладони рукъ. Послѣ нѣкотораго молчанія онъ медленно поднималъ ее.

— Василій Ивановичъ, надо его воротить,—тихо сказалъ онъ.—Баринъ видно что хорошій, смѣлый. Тамъ съ нимъ нехорошо будетъ.

— Что-же съ нимъ подѣлаешь,—беспомощно отвѣтилъ я.—Онъ, дѣйствительно, рѣшительный и возражений не любитъ.

— Надо его воротить. Тамъ не хорошо. Такъ и быть, расскажу. Только не хорошо къ ночи. А камень принесетъ—хуже будетъ. Ай-ай, плохо!—уже почти крикнулъ Манафъ, быстро всталъ и подбѣжалъ къ спуску.

— Эй, баринъ!—крикнулъ онъ громко. — Василій Ильичъ! Господинъ, постой-ка!

— Ну, что тебѣ? Развѣ и ты вздумалъ итти со мной?—послышался уже довольно отдаленный голосъ Василя Ильича.

— Нѣтъ. Айда, воротись, я расскажу.

— А! это другое дѣло. Такъ и быть, пожалѣю тебя, стараго хрѣна, не принесу тебѣ полвоза.

Скоро Василій Ильичъ подошелъ къ намъ.

— Сначала узнай, что это за камень, а потомъ дѣлай, какъ хочешь, я не буду виноватъ,—сказалъ Манафъ.

— Ладно, послушаемъ.

Манафъ подбросилъ дровъ въ костеръ, пересѣлъ на другое мѣсто спиной къ *возу* и провелъ по лицу ладонями обѣихъ рукъ, шевеля въ то-же время губами.

— Есть и у насъ, башкирь, худые люди,—началъ онъ.—Охъ, есть. А живутъ нисколько не лучше насъ, даже хуже. Сколько въ Сибирь сослали. Тюремны полны башкирами. Иному обществу въ старосты некого выбрать—всѣ *бастрогамъ* лежали (въ острогѣ были).

Такимъ же нехорошимъ былъ одинъ... Ну, да надо начать-то вотъ какъ. Я, неграмотный башкирь, плохой рассказчикъ. Дѣдъ мой умеръ тридцать пять лѣтъ тому назадъ, жилъ онъ восемьдесятъ лѣтъ (при этомъ Манафъ провелъ по лицу ладонями), а *это* случилось, когда его дѣдъ былъ молодымъ. Такъ рассказывалъ

мнѣ дѣдъ. Мы съ нимъ мало жили дома. Тогда звѣря всякаго было больше, чѣмъ теперь. Разъ намъ случилось проходить этимъ же самымъ мѣстомъ. Такъ же, какъ и вы, я зашелъ на тотъ холмъ, что-бы посмотреть, не видать-ли чего въ окружности. Какъ и вы, я увидѣлъ этотъ камень и остановился надъ нимъ. Дѣдъ проходилъ дальше и, уже обратившись издали, сказалъ мнѣ: „смотри, Манафъ, не трогай тотъ камень и не бери его части. Иди лучше, вонъ за тѣмъ холмомъ рѣка“. Я сошелъ и мы остановились на этомъ самомъ мѣстѣ. Я не спрашивалъ у дѣда о камнѣ, не такъ, какъ вы меня, хотя знать о немъ мнѣ хотѣлось. Думалъ я: дѣдъ самъ скажетъ, ежели мнѣ нужно знать, а если не нужно, тогда и спрашивать не надо. Вотъ какъ я думалъ. Дѣдъ молчалъ все время. Утромъ на другой день, когда мы уже поѣли и надо было итти, дѣдъ все еще молчалъ и сидѣлъ, итти не собирался. Я спросилъ его, здоровъ-ли. Онъ отвѣтилъ. „Я здоровъ, но вотъ что, Манафъ. Я уже старъ, можетъ быть, скоро умру, а ты, вижу я, будешь такой-же охотникъ, какъ и я. Можетъ быть, придется тебѣ ходить здѣсь-же. Чтобы съ тобой не случилось несчастье, вотъ что узнай о камнѣ, который ты видѣлъ на томъ холмѣ. Это, говорить, не камень, а *возъ ржи*, которую Аллахъ превратилъ въ камень“. Я никому не рассказывалъ объ этомъ и многое изъ дѣдова разсказа уже позабылъ. Только вотъ что онъ мнѣ тогда разсказалъ.

Много лѣтъ до того времени, верстахъ въ пятидесяти отсюда поселился какой-то чувашинъ съ женой и двумя малыми дѣтьми—одинъ былъ еще грудной, а другой побольше. Чувашинъ тотъ былъ смирный, никого не обижалъ, звѣря не билъ—и башкиры позволяли ему жить. Водилъ онъ пчелъ, сѣялъ ленъ, коноплю и хлѣбъ,

всего по немногу, только для себя. Училъ и башкирь дѣлать то же, да они говорили, что пчелы къ нимъ сами летятъ и медъ несутъ, а все прочее они добудутъ безъ такого труда. Ну, человѣкъ тотъ замолчалъ: не хотять, такъ что жъ? Одинъ годъ у него не родился хлѣбъ. Онъ все же прожилъ и сдѣлалъ новый засѣвъ. Пошелъ большой градъ, побилъ у него весь засѣвъ. Башкиры видѣли, какъ человѣкъ тотъ сидѣлъ передъ своимъ домомъ и много плакалъ вмѣстѣ съ женой. Наложилъ онъ въ телѣгу медъ, который у него въ запасѣ, и повезъ далеко на заводъ, продать тамъ хотѣлъ и работать, оттуда привезти хлѣба. Случилось такъ, что когда онъ ѣхалъ назадъ съ возомъ ржи, въ лѣсу охотился одинъ башкирь. Увидалъ онъ того смирнаго чувашина и злой духъ нашелъ на него. Устала лошадь, остановилась отдохнуть на холмѣ, и пустилъ башкирь близко совсѣмъ стрѣлу прямо въ грудь чувашину. Посмотрѣлъ чувашинъ въ ту сторону, но никого не увидѣлъ: злой человѣкъ стоялъ за деревомъ. Выдернулъ чувашинъ стрѣлу изъ груди и упалъ на возъ. Тогда подошелъ къ нему злой башкирь. Чувашинъ обнялъ возъ руками и сильно плакалъ, все поминалъ жену и дѣтей своихъ. „Шонь (жена), мой шонь! тѣти мой милый! теперь умрете вы“. Такъ плакалъ чувашинъ, а слезы лились и лились. Кровь совсѣмъ перестала течь, а онъ все плакалъ, даже пологъ насквозь промокъ. Толкнулъ чувашина злой башкирь, тотъ упалъ и умеръ. Башкирь пощупалъ, что въ возу и пошелъ къ лошади, чтобы вести ее. Вдругъ лошадь упала на колѣни, шею вытянула, мордой въ землю уткнулась. Башкирь подумалъ, что и лошадь хочетъ околѣвать, и ударилъ ее ногой въ бокъ. Только тогда онъ увидѣлъ въ нѣсколькихъ шагахъ передъ лошадыю

человѣка съ большой бѣлой бородой. На немъ былъ хорошій халатъ, бѣлая большая чалма, а въ рукахъ зеленая палка изъ хорошаго дерева. Видно было, что онъ стоялъ не на землѣ, а какъ бы на воздухѣ. Башкирь сначала испугался, а потомъ ничего, оправился, подумалъ, что это душа чувашина приняла такой видъ, чтобы запугать его. „Видно, онъ знался съ шайтаномъ, потому и нейдетъ куда слѣдуетъ“, подумалъ башкирь и пересталъ смотрѣть на него.

— „Что ты сдѣлалъ?“ спросилъ старый человѣкъ. — „За что убилъ?“

— „За то убилъ, что онъ былъ не нашъ и не могъ жить на нашей землѣ!“ — сказалъ башкирь. — „А тебѣ что? и кто ты такой? Зачѣмъ пришелъ? Айда, свое мѣсто гуляй, къ шайтану“.

„Его семья теперь съ голода умереть. Ты, злой человѣкъ, не успокоишься до тѣхъ поръ, пока не съѣшь этотъ хлѣбъ“.

Такъ сказалъ старый человѣкъ. Башкирь смѣялся. — „Ладно, говорить, я скоро его съѣмъ“.

Стараго человѣка съ палкой не стало. Лошадь поднялась. Когда башкирь хотѣлъ вести ее, она круто повернула и телѣга опрокинулась вверхъ колесами прямо на мертвое тѣло. Передки снялись и лошадь убѣжала. Башкирь пошелъ, что бы поймать ее. Шелъ по слѣду день, два и три. Спрашивалъ себя, зачѣмъ идетъ, не надо итти, а самъ все шелъ и шелъ. Пришелъ къ тому мѣсту, гдѣ жилъ убитый человѣкъ. Лошадь съ передками стояла тутъ. Вошелъ башкирь въ избу. Тамъ много было рѣзаной соломы, травы, мелкой сосновой коры на столѣ. На лавкѣ лежали два мальчика, мертвые, синіе, а на полу женщина, тоже мертвая, но видно было, что она недавно умерла. Плюнулъ злой башкирь

и вышелъ. Лошадь все еще стояла около дома, доставала соломѣ съ крыши. Башкирь пріѣхалъ на ней къ возу, поднялъ телѣгу, содралъ пологъ и увидѣлъ, что въ немъ завернуть *камень*. „Имъ шайтанъ помогаетъ камнями питаться“, подумалъ злой башкирь. — „Ишь, камень везъ“. Онъ стоялъ и смотрѣлъ на камень, пробовалъ его ногой, тыкалъ ножомъ — камень, какъ есть камень. Вдругъ его что-то потянуло за шею. Всталъ онъ на колѣни около одного угла этого камня и давай грызть его зубами. Кричитъ, воетъ, а самъ грызетъ и грызетъ. Кровь изо рта ручьемъ идетъ, уже всѣ передніе зубы изломалъ, а отстать не можетъ. Памяти лишился, а когда пришелъ въ себя, не могъ подняться на ноги, какъ звѣрь какой на четверенькахъ сползъ съ холма, мотаетъ головой и рычитъ, какъ собака. Вотъ какъ наѣлся чужаго хлѣба! Ай-ай, хорошъ чужой хлѣбъ! Такъ на четверенькахъ и домой пришелъ. Долго хворалъ. Спрашивали его, когда опомнился отъ болѣзни, что съ нимъ случилось, онъ отвѣтилъ: „шайтанъ напалъ на меня на томъ холмѣ, камнемъ кормилъ“. Всѣ боялись ходить туда. Выздоровѣлъ башкирь и вышелъ изъ коша. Ноги стали сами шагать, и онъ пришелъ на тотъ же холмъ, съ воемъ припалъ къ камню и принялся опять грызть его, но грызть было уже нечѣмъ. Десны мочалились, какъ мокрый лубокъ. Кое-какъ онъ оторвался и бѣжалъ домой. Много дней сидѣлъ молча въ своемъ кошѣ, боялся на улицу выйти, чтобы опять не потянуло его къ камню. Наконецъ, позвалъ старшаго сына и велѣлъ ему привезти муллу. А всѣ окружные жители уже знали, что башкира того шайтанъ одолѣлъ на охотѣ и камнями кормилъ. Многіе нарочно пріѣзжали посмотреть и пожалѣть его. Скоро пришелъ мулла съ книгой за-

кона, а за нимъ много народа. Тогда башкирь разска-
залъ муллѣ при своей семьѣ, какое зло онъ онъ сдѣ-
лалъ и какъ его Аллахъ наказалъ за это, заставилъ
ѣсть хлѣбъ, смоченный слезами убитого и превращен-
ный въ камень.—Вы смотрѣли этотъ камень, видѣли,
что зерно ржи точно слѣплены между собой чѣмъ-
то. Они слѣплены слезами убитого.—Мулла спросилъ
башкира, одному-ли ему велѣно ѣсть тотъ камень,
или на тоже осуждены всѣ мѣстные жители. Башкирь
сказалъ, что человѣкъ, стоявшій на воздухѣ, ни о
комъ другомъ не говорилъ и никого туда не тянетъ, а
только его, какъ только онъ выйдетъ изъ коша.

— „Великъ твой грѣхъ, человѣкъ!“ — сказалъ тогда
мулла.— „Но велико и наказаніе. Я предложу братьямъ
нашимъ помолиться за тебя. Можетъ быть, Аллахъ
проститъ или смягчитъ наказаніе, потому-что ты ни-
когда не исполнишь его“.

Башкирь и семейные его много плакали.

Вышелъ мулла къ народу и разсказалъ все. Страш-
но закричали всѣ, когда узнали, въ чемъ дѣло, пла-
кали, поднимали руки кверху, и тутъ-же, передъ жи-
лищемъ виновнаго, мулла открылъ священную книгу и
началъ совершать молитву. Всѣ молились, и старики, и
молодые, и дѣти, молились усердно, со слезами, — но
нѣтъ, не простилъ Аллахъ виновнаго, не измѣнилъ
своего приговора. Какъ только башкирь пошевелился
со своего мѣста, что-бы выйти за дверь, такъ почув-
ствовалъ, что всѣ жилы у него въ ногахъ вздрогнули,
натужились и ноги сами собой скоро шагаютъ въ ту
сторону. Съ крикомъ, едва осиливъ свои ноги, башкирь
упалъ въ дверяхъ своего коша и больше во всю жизнь
уже не пытался выйти изъ коша. Вотъ какое наказа-
ніе далъ ему Аллахъ! Ай, какое наказаніе! Алла!

Манафъ провелъ ладонями по лицу. Мы сидѣли молча. Иванъ Петровичъ подбросилъ свѣжаго хвороста въ костеръ.

— Ну, вотъ и спасибо тебѣ, Манафъ,—прервалъ водворившееся молчаніе Василий Ильичъ.—Теперь мы знаемъ, что это за камень..

— Какъ же, Манафъ, вѣдь наказаніе опредѣлено одному виновному. Почему же, какъ ты говоришь, другимъ опасно быть тамъ?—спросилъ Иванъ Петровичъ.

— Ахъ, да, да, и въ самомъ дѣлѣ, Манафъ,—поддержалъ Василий Ильичъ.

— Долго еще жилъ тотъ башкирь, все мучился, изсохъ, сгорбился, боялся выйти изъ коша: какъ только съ мѣста, такъ ноги и идутъ къ камню. Пока онъ былъ живъ, ни съ кѣмъ ничего не случилось. Многіе смѣлые люди были на томъ холмѣ, глядѣли тотъ камень и отдыхали—ничего. Отъ трупa ничего не осталось—то-ли звѣри растащили, то-ли... Аллахъ схоронилъ невиннаго человѣка. Умеръ виновный башкирь; понесли его хоронить, а онъ такъ и тянетъ къ камню. Откуда-то взялся нехорошій вѣтеръ и понесъ носильщиковъ въ ту сторону. Замѣтили, что колѣни мертвеца стали шевелиться. Испугались носильщики, бросили тѣло и убѣжали. Послѣ пришли всѣ люди съ муллой, чтобы вырыть тутъ же могилу и схоронить, но мертвеца уже не было. Куда дѣвался—никто не зналъ, всѣ боялись знать и говорить объ этомъ. Страхъ напалъ на всѣхъ. Годъ прошелъ съ того времени. Разъ два смѣлыхъ охотника зашли на тотъ холмъ подъ вечеръ отдохнуть. Въ разговорѣ не замѣтили, какъ стемнѣло. Вдругъ что-то стукнуло въ камень. Не успѣли они опомниться, какъ кто-то сѣдой, беззубый, согнутый подошелъ къ нимъ и скоро натолкалъ имъ въ ротъ

осколковъ камня, велѣлъ жевать и ѣсть. У него въ рукахъ были еще камни. Страшно ворочалъ онъ глазами и замахивался кулаками. Собаки тѣхъ охотниковъ съ воемъ бѣжали съ холма. Скоро пришли въ себя охотники, выбросили изо рта камни и убѣжали. Долго гнался за ними старикъ, едва отсталъ. Вотъ что было. Днемъ ничего такого нѣтъ. Многіе проходили и мимо холма, и черезъ холмъ—ничего. Только ночью это бываетъ. Прошелъ еще годъ или два. Одинъ охотникъ также проходилъ днемъ черезъ холмъ и взялъ небольшой осколокъ того камня, такъ—съ орѣхъ и принесъ домой. Ночью пришелъ къ нему беззубый старикъ и велѣлъ ѣсть тотъ осколокъ. Попробовалъ охотникъ разгрызть камень, но зубы не взяли. Со страха цѣликомъ проглотилъ. Старикъ протянулъ къ нему одну руку съ камнями, а другой замахнулся на него, велѣлъ ѣсть. Охотникъ съ крикомъ бѣжалъ къ муллѣ, чтобы тотъ помолился. На другой день жители узнали обо всемъ этомъ и рѣшили переселиться на другое мѣсто. Съ того времени около этого нечистаго холма жилья нѣтъ.—Вотъ какой этотъ камень,—заклучилъ Манафъ.

Мы поблагодарили его за рассказъ.

— Что слышалъ отъ дѣда, то и рассказалъ, какъ помню,—отвѣчалъ Манафъ, укладываясь поудобнѣе на ночлегъ. Скоро онъ уснулъ.

— А что, Василій Ильичъ, вы не боитесь?—спросилъ я.

— Чего?—пробасилъ онъ,—осколка-то?—и Василій Ильичъ засопѣлъ носомъ, позабывши и неудачную охоту, и *возъ*, и злого старика...

А. Словохотовъ.

У родного очага.

(Культурно-историческій очеркъ).

„Первые люди—такъ повѣствуетъ одно древне-греческое сказаніе—не сознавали тѣхъ великихъ силъ, которыя таились въ нихъ; они, какъ тѣни, бродили по лицу земли, не умѣя пользоваться данными дарами,—они смотрѣли и не видѣли, внимали и не слышали. Не умѣли они ни добывать и обрабатывать камень, ни обжигать изъ глины черепки, ни рубить и тесать лѣсные дубы, чтобъ изъ этого матеріала воздвигать себѣ прочныя жилища; подъ землею, въ пещерахъ, не видящихъ никогда солнечнаго свѣта, искали они себѣ убѣжища. И жили они, не думая о завтрашнемъ днѣ“...

„Тогда Прометей, отпрыскъ древняго рода боговъ, пришелъ на помощь людямъ Онъ научилъ ихъ наблюдать движеніе небесныхъ свѣтилъ и по нимъ вести точный счетъ времени, выучилъ ихъ искусству счета и письма; показалъ имъ, какъ приручить дикихъ животныхъ и сдѣлать ихъ товарищами въ трудѣ; выстроилъ первый челнокъ и первое судно, надоумилъ, какъ исцѣлять разныя немощи; открылъ ихъ взору подземное царство, гдѣ хранились несмѣтныя сокровища бронзы, желѣза, серебра

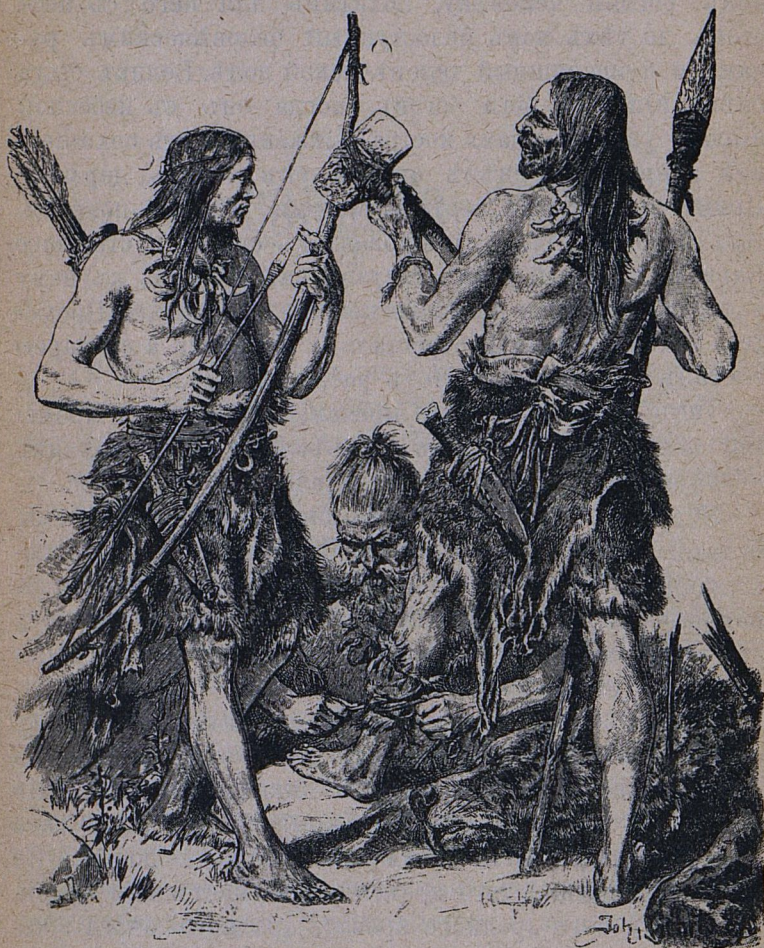
и золота“...—И многому еще научилъ Прометей своего любимца; но самое великое благодѣяніе оказалъ потомокъ боговъ человѣку, похитивъ для него съ неба огонь, до тѣхъ поръ недоступный человѣческимъ рукамъ и непослушный человѣческой волѣ. Великъ былъ гнѣвъ Юпитера, бога боговъ, когда онъ съ небесной высоты увидалъ пламя костра, зажженного отъ похищенной искры, и въ гнѣвѣ своемъ онъ обрекъ дерзкаго Прометея жестокой карѣ: крѣпкими цѣпями покровитель человѣка былъ прикованъ къ скалѣ пустыннаго Кавказа; хищный орелъ слеталъ каждый день къ нему и терзалъ своимъ клювомъ печень скованнаго Прометея, которая за ночь отростала и заживала, а съ зарею слеталъ опять орелъ, чтобъ расклевать ее...

Такъ дорого,—гласить преданіе,—заплатилъ Прометей за свой великій даръ человѣку, за то, что научилъ человѣка пользоваться благодѣтельной силой огня.

У другихъ народовъ сложились сказанія, подобны сказанію грековъ о Прометее. Въ нихъ живетъ воспоминаніе о томъ великомъ событіи, когда человѣкъ впервые научился обращаться съ огнемъ. Случилось это очень давно. Было такое время, когда наши предки жили, не умѣя пользоваться огнемъ.

Жалко было существованіе этихъ людей, мало чѣмъ отличавшихся въ своемъ бытѣ отъ окружавшихъ ихъ и постоянно имъ угрожавшихъ дикихъ животныхъ. Не знали эти люди еще одежды, скрываясь въ чащѣ лѣса и кустарниковъ отъ бичующаго вѣтра и дождя. Не было у человѣка того времени еще настоящей семьи, не было у него „родного крова“, „родного очага“, который согрѣлъ и пріютилъ бы его; по цѣлымъ днямъ скитался онъ по лѣсамъ и болотамъ въ поискахъ за добычей, спасаясь отъ ночныхъ хищниковъ въ листвѣ

дереьевъ. Чужда была ему забота о завтрашнемъ днѣ, не научился онъ еще цѣнить и уважать себѣ-подобныхъ

Первобытные люди, не знавшіе употребленія огня.

и встрѣча его съ членомъ другого племени не оканчивалась миромъ.

Но вотъ случайный опытъ наталкиваетъ этого чловѣка на благодѣтельную мысль. Какъ-то въ своихъ скитаніяхъ наткнулся онъ на спаленное молніей дерево. Привлеченный теплотой, онъ останавливается возлѣ него; съ любопытствомъ разглядываетъ онъ, какъ огненные языки жадно лижутъ вѣтви и сучья, какъ дерево словно похрустываетъ на зубахъ ненасытнаго „краснаго звѣрька“, котораго всѣ боятся и который ни передъ кѣмъ не обращается въ бѣгство. Костеръ догораетъ; все меньше и меньше дѣлается красный звѣрекъ и чернымъ дымомъ поднимается туда, откуда снизошелъ огненной стрѣлой. Не разъ дикарь уже грѣлся около горящихъ полѣньевъ, пока послѣднія не сгорали окончательно; у него не хватало сообразительности, чтобъ поддержать огонь подкладываніемъ новаго хвороста и дровъ. Но сегодня случилось что-то особенное. Все ближе и ближе подвигается дикарь къ гаснущему костру,—еще мигъ, и его рука протягивается рѣшительно впередъ и быстро выхватываетъ изъ костра „маленькаго краснаго звѣрька“. „Маленькое животное“, однако, жестоко кусаетъ его руку; дикарь бросаетъ его обратно и,—какъ онъ обыкновенно дѣлалъ это въ борьбѣ съ животными,—схватываетъ свою дубинку и съ ожесточеніемъ начинаетъ наносить удары тлѣющему у его ногъ костру: къ его удивленію, дубинка воспламеняется у него въ рукахъ и начинаетъ горѣть яркимъ пламенемъ. Испуганный, онъ отбрасываетъ ее въ сторону,—отъ нея воспламеняются сухая трава и низкій кустарникъ, и на глазахъ дикаря разгорается новый костеръ,—костеръ, зажженный имъ самимъ.

Дикарь пораженъ всѣмъ случившимся; онъ стоитъ нѣкоторое время неподвижный, но вдругъ счастливая мысль осѣняетъ его: онъ схватываетъ горящую головню

и бѣжить съ ней къ своимъ родичамъ, чтобъ научить ихъ тому, чему его только-что научилъ опытъ,—поддерживанію огня подкладываніемъ новыхъ вѣтокъ и сучковъ и перенесенію его съ мѣста на мѣсто. Вотъ какъ можемъ мы себѣ представить первый шагъ человѣка въ подчиненіи себѣ великой стихійной силы—огня.

Первый костеръ былъ зажженъ человѣческой рукой,

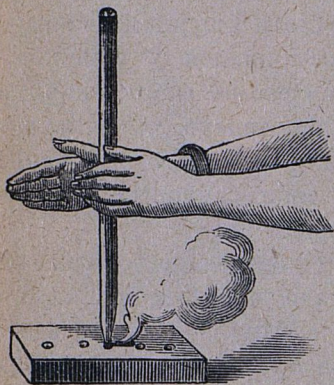
первый *очагъ* былъ созданъ и вокругъ него стала по-иному, по-лучшему складываться жизнь, стали складываться новые нравы и порядки. Люди, собирающіеся у одного очага согрѣются его живительнымъ пламенемъ, понемногу стали чувствовать крѣпкую связь между собою, они стали понимать, что нужны другъ

другу, и поэтому лучше стали другъ съ другомъ обходиться и больше заботиться объ общей пользѣ. Прежде дикарь-охотникъ, рыская по лѣсамъ и болотамъ, по цѣлымъ недѣлямъ не появлялся на глаза своей семьѣ, оставляя ее на произволъ судьбы; теперь, продрогшаго и уставшаго, его тянетъ къ „родному очагу“, который обогрѣетъ и осушитъ его, а ночью будетъ служить вѣрной защитой отъ выходящихъ на добычу хищниковъ, столь страшящихся дыма и огня. Но онъ не ворочался теперь съ охоты съ пустыми руками, какъ это бывало прежде, когда онъ поѣдалъ, не думая о своихъ, всю убитую имъ дичь; не онъ былъ хозяиномъ очага,—только благодаря заботамъ оставшейся у семейнаго очага жены живительное пламя его не гасло, значить, хозяйкой была она; дикарь зналъ теперь, что для того, чтобъ получить право грѣться у семейнаго очага, онъ долженъ былъ исполнять и свои семейныя обязанности,—добывать для семьи пропитаніе.

Великая и благодѣтельная сила, казалось, крылась въ пламени очага: оно согрѣвало человѣка, оно жарило и варило для него пищу, оно охраняло даже слабого ребенка отъ сильнаго хищника, оно, наконецъ, отгоняло отъ суевѣрнаго дикаря тѣ страшные призраки и чудовища, которыми его фантазія населяла мракъ ночи. И дикарь понималъ, какого помощника и защитника нашелъ онъ себѣ въ огнѣ; и чтобъ не утратить его, онъ долженъ былъ заботиться, чтобъ всегда былъ у него запасъ горючаго матеріала, чтобы не потухло пламя очага. Такъ впервые у безпечнаго до тѣхъ поръ дикаря пробудилась забота о „завтрашнемъ днѣ“, такъ очагъ научилъ его думать о будущемъ.

Но случалось, что, несмотря на самый заботливый уходъ, пламя очага—задутое-ли разбушевавшейся сти-

хией, залитое-ли потоками дождя—гасло. Что было тогда дѣлать? Вѣдь только гораздо позже человѣкъ научился *добывать* огонь треніемъ дерева о дерево или высканіемъ его изъ огнива, а до этого онъ только и могъ, что *поддерживать* огонь, занятый у самой природы,—напримѣръ, переносимый отъ костра, воспламененнаго молніей. Но вѣдь ждать, пока представится подобный случай, было бы очень долго, а люди ужъ такъ привыкли къ огню, что безъ него никакъ не могли обойтись. И ничего другого не оставалось имъ дѣлать, какъ

Полученіе огня посредствомъ тренія дерева о дерево.

снарядить посла къ сосѣднѣму племени, чтобъ у него занять огня. И посолъ не возвращался съ пустыми руками; другое племя, хотя бы и враждебно настроенное, не рѣшалось отказать сосѣдямъ въ просьбѣ. Вѣдь легко можетъ случиться, что и у нихъ загаснетъ огонь очага, и тогда не къ кому будетъ обратиться, какъ къ сосѣдямъ, которымъ они теперь оказали подобную услугу. Такъ дикія племена, привыкнувъ думать о бу-

душемъ, впервые вступили въ мирныя сношенія между собою. У нихъ стало обычаемъ, завѣщаннымъ предками, радушно принимать иноплеменника и даже врага, являющагося для того, чтобъ занять горящихъ уголей; и этотъ обычай положилъ начало тому обычаю гостепріимства, которымъ отличаются многія племена и народы, въ прочихъ отношеніяхъ жестокосердые и грубые.

Такъ огонь очага воспиталъ человѣка. Тѣсными узами общій очагъ соединилъ собирающихся постоянно у его пламени людей, и эти узы были такими крѣпкими, что они, какъ стали вѣровать люди, не порывались и тогда, когда кто-нибудь изъ семьи отходилъ въ міръ тѣней. Усопшіе предки пребывали постоянно въ средѣ родныхъ, оставались членами семьи. Ихъ духи витали вѣчно у пламени родного очага, который грѣлъ и охранялъ ихъ при жизни. Вѣдь они имѣли тѣ-же потребности, что и живые: они грѣлись около пламени очага, они требовали пищи для утоленія голода и возліаній для утоленія жажды; и если потомки заботились о нихъ, принося имъ жертвы и воздавая имъ почести, то духи предковъ испытывали полное довольство и ниспосылали своимъ потомкамъ благословеніе и покровительство. По этимъ вѣрованіямъ выходило, что ни живой не могъ обойтись безъ мертваго, ни мертвый безъ живого. Отъ этого между всѣми поколѣніями одной и той же семьи устанавливалась какъ-бы крѣпкая, неразрывная связь.

И огонь очага, согрѣвающій и оберегающій живущихъ, соединяющій вокругъ себя могущественныхъ духовъ усопшихъ предковъ, сталъ для людей *священнымъ* огнемъ... Въ честь его слагались гимны, къ нему обращались съ молитвой, ему подносились, прежде чѣмъ приступить къ ѣдѣ, первая части пищи. Онъ сталъ

божествомъ, благоговѣнно чтимымъ человѣкомъ; и очагъ сдѣлался алтаремъ этого божества, а старшій въ семьѣ или родѣ его жрецомъ.

У древнихъ индусовъ это божество огня носило имя „Агни“. Вотъ въ кругу родныхъ старшій совершаетъ священнодѣйствіе—трениемъ дерева вызываетъ живой огонь, чтобъ его искрой зажечь потухшій очагъ. Крупныя капли пота выступаютъ на его лицѣ, его уста громко славятъ „божественнаго Агни“, но „желанный гость“ все еще не появляется. „Хвала таинственному Агни, воспойте, други, новые гимны и пѣснопѣнья лучезарному Агни!“—и жрецъ удваиваетъ свои усилія, пока, наконецъ, божество не внемлетъ голосу своего вѣрнаго слуги и не падаетъ въ образѣ маленькой искры на разосланную для него сухую траву. Но оно еще слабо,—и его согрѣваютъ дыханіемъ, призывая на помощь вѣтеръ, его питаютъ вѣжными вѣтками и масломъ—и божество расправляетъ свои члены. Тысячи лучезарныхъ глазъ разгораются въ сухой травѣ и озаряютъ склонившіяся въ благоговѣнныя головы старѣйшины—жреца и другихъ членовъ рода. И Агни слушаетъ какъ въ немъ привѣтствуютъ „могущественнаго друга“, который „любитъ насъ, какъ будто-бы онъ изъ нашего рода,—ибо это тотъ самый, который видалъ всѣхъ членовъ нашего рода,—отошедшихъ и живущихъ“. Онъ—врагъ тьмы, разгоняющій ее на далекое пространство своими огненными стрѣлами; онъ высоко поднимаетъ свою голову, чтобъ указать путь заблудившемуся въ дали. „Разсѣй, умертви злыхъ духовъ, воплотившихся въ образѣ летучей мыши, ночной совы, волка и ястреба“. „О Агни, ты—жизнь, ты—покровитель человѣка... За наши хваленія дай отцу семьи, поклоняющемуся тебѣ, дай славу и довольство... Сотвори, пусть вѣчно

будетъ щебра земля къ намъ... Агни—ты мудрый защитникъ, тебѣ мы обязаны жизнью, мы—твоя семья“.

И на очагѣ возлагались жертвы, которыя Агни благосклонно принималъ; удовлетворенный и лучезарный, онъ взвивался къ небесамъ, неся богамъ вѣсть объ ихъ правовѣрныхъ поклонникахъ на землѣ. „Агни, богъ съ золотой бородой, вознеси наши жертвы въ священныя высоты! Миръ да будетъ между нами и богами!“—такъ заканчивалъ жрецъ свои пѣснопѣнья.

Если мы теперь перенесемся съ береговъ Ганга къ берегамъ Средиземнаго моря, отъ древнихъ индусовъ къ древнимъ грекамъ и римлянамъ, то въ каждомъ домѣ найдемъ здѣсь алтарь. „На этомъ алтарѣ“, пишетъ одинъ историкъ, „необходимо было постоянно держать немного пепла и горячихъ угольевъ. Священною обязанностью хозяина дома было поддерживать день и ночь огонь. Горе предвѣщали тому дому, гдѣ онъ потухнетъ! Каждый вечеръ уголья покрывались сверху пепломъ, чтобъ помѣшать имъ выгорѣть совсѣмъ; при пробужденіи утромъ первою заботою было оживить этотъ огонь и разжечь его новыми сучками. Огонь переставалъ горѣть на алтарѣ только тогда, когда погибала вся семья; „угасшій очагъ“, и „угасшая семья“ были равнозначущими выраженіями у древнихъ“.

Древніе греки и римляне считали, какъ и древніе индусы, огонь очага чѣмъ-то божественнымъ. Въ жертву ему приносилось все, что могло считаться пріятнымъ для бога: цвѣты, плоды, ароматы, вино. Его, могущественнаго, просили о покровительствѣ, къ нему обращались съ молитвами о „вѣчныхъ предметахъ человѣческихъ желаній“—здоровьѣ, счастьѣ, богатствѣ. „Пусть мы будемъ вѣчно цвѣтущими, вѣчно счастли-

выми, о огонь“,—говорится въ одной молитвѣ древнихъ грековъ; „ты же вѣчный, прекрасный, всегда юный, питающій насъ властелинъ, прими благосклонно наши приношенія и воздай намъ за нихъ безмятежное здоровье и счастье“.

Грекъ, какъ ремлянинъ, никогда не выходилъ изъ своего жилища, не помолившись своему очагу. Воинъ, вернувшійся невредимымъ съ поля битвы, благодарилъ его за то, что избѣжалъ гибели. Если кто уходилъ изъ дому на новое мѣсто, то онъ долженъ былъ унести съ собой горячій уголь съ родного очага, чтобъ зажечь у себя огонь отъ прежняго источника: ибо только тогда онъ могъ рассчитывать на покровительство своихъ предковъ, которыхъ онъ обожествлялъ. По вѣрованіямъ древнихъ, предки-боги только тѣхъ считали „своими“, кто поклонялся огню того очага, которому поклонялись и они при жизни; и только „своихъ“ они охраняли и оберегали отъ всякаго несчастья, а ко всѣмъ тѣмъ, кто не поклонялся ихъ родному очагу, они относились враждебно. Такимъ образомъ и выходило, что каждая семья въ лицѣ своихъ предковъ имѣла своихъ особыхъ боговъ—покровителей, у которыхъ она въ затрудненіи просила совѣта, въ печали—утѣшенія, въ опасности—защиты, за грѣхи—прощенія. И внутри своего дома древніе чувствовали себя спокойными и довольными: вѣдь здѣсь они находились подъ покровительствомъ своихъ божественныхъ предковъ. По римскому повѣрью домашнее божество не давало проникнуть въ домъ вору и держало въ отдаленіи отъ него врага. Домъ былъ освященъ, по понятіямъ древнихъ, постояннымъ присутствіемъ боговъ, и неудивительно, что для нихъ всякое человѣческое жилище было храмомъ, святынею. „Что священнѣе человѣческаго жилья?“ говоритъ одинъ

писатель древности, „тамъ находится алтарь, тамъ сіяетъ священный огонь, тамъ святины и религія“.

Когда подъ вліяніемъ нужды отдѣльные слабые роды и семьи стали соединяться въ союзы и образовывать городскія поселенія, чтобы лучше защититься отъ нападений иноплеменниковъ, — то знакомъ ихъ единства между собою сталъ служить общій, городской очагъ, на которомъ поддерживался жрецами или жрицами неугасимый огонь. Этотъ алтарь находился въ особой священной оградѣ, которую римляне называли — храмомъ Весты, — покровительницы домашняго очага. „Не было ничего болѣе священнаго во всемъ городѣ“, пишетъ одинъ историкъ, „какъ этотъ алтарь, на которомъ священный огонь горѣлъ всегда неугасимо“. Римляне были твердо убѣждены, что судьба ихъ города связана съ этимъ очагомъ; великое несчастье грозило городу тогда, когда весталка допускала огонь, горящій на алтарѣ въ храмѣ Весты, потухнуть: весь Римъ былъ тогда въ отчаніи, чувствуя, что его будущее въ опасности, и, желая умиловить своихъ боговъ, обрекалъ провинившуюся весталку на страшную казнь: ее живою зарывали въ землю.

Такъ глубоко вкоренилось въ римлянина вѣрованіе, завѣщанное предками, что въ вѣчномъ, неугасимомъ пламени очага лежитъ вѣрный залогъ благополучія людей, поклоняющихся ему.

Благоговѣнно чтилъ и древній славянинъ свое родное *огнище*, свой очагъ-покровитель. „Кто не видалъ церкви, кланяется и печи“, говоритъ одна сербская поговорка въ воспоминаніи объ этомъ поклоненіи домашнему очагу, распространенномъ среди славянъ до введенія христіанства, Крѣпко привязался славянинъ къ родимой избѣ; подъ ея кровомъ онъ чувствовалъ себя

сильнымъ и довольнымъ; важнѣйшая же часть ихъ избы—это печь, домашній очагъ. Въ немъ славяне видѣли залогъ семейнаго благосостоянія,—не даромъ на древней Руси слово „дымъ“ употреблялось вмѣсто „изба“, „семья“, а осѣдлые домовитые пахари прозывались „огнищанами“. И сильнымъ и довольнымъ чувствовалъ себя древній славянинъ въ родимой избѣ потому, что тамъ онъ находился подъ покровительствомъ своихъ предковъ: какъ и другіе народы, славяне вѣровали, что души умершихъ предковъ не покидаютъ родного очага, что онѣ заботятся о своемъ потомствѣ, охраняютъ его отъ всякихъ бѣдъ, если оно чтитъ ихъ память; если же нѣтъ, — тогда эти домашніе боги становятся безпокойными, производятъ часто тревогу въ домѣ, наводятъ бѣду. „Души предковъ чтились подъ именемъ „домовыхъ“; называли ихъ также „чурами“ или „щурами“. Въ случаѣ какой-нибудь бѣды говаривали встарину: „чуръ меня защити!“ (До сихъ поръ въ играхъ деревенскихъ дѣтей слышатся слова: „чуръ меня“; произносятся онѣ, конечно, безъ пониманія древняго смысла ихъ)“ *).

Вмѣстѣ съ этимъ почитаніемъ предковъ тѣсно было связано у древнихъ славянъ благоговѣніе къ старинѣ и преданію. Какъ римлянинъ про то, что ему было дорого, говорилъ, „это для меня древне“, такъ и славянинъ думалъ, что, какъ говорятъ пословицы сохранившіяся и до нашихъ дней, „встарь люди бывали умнѣй“, „что старѣе, то правѣе“,—и что старину поэтому должно чтить свято. Надо было полагаться на то, что дѣлали предки и высшее благочестіе состояло въ подражаніи

*) Сиповскій, „Родная Старина“, отечественная исторія въ разсказахъ и картинахъ, ч. I. Мы очень рекомендуемъ нашимъ читателямъ эту интересную и поучительную книжку.

имъ, въ ненарушимомъ храненіи обычаевъ и обрядовъ, завѣщанныхъ стариной. Много обычаевъ и обрядовъ сохранилось такимъ образомъ среди народа отъ языческой старины до нашихъ дней. Такъ напримѣръ, вѣрованіе въ покровительство дѣдушки-домового домашнему очагу существуетъ и теперь въ нѣкоторыхъ глухихъ мѣстахъ Россіи. Когда случится переѣзжать изъ старой избы въ новую, то въ иныхъ деревняхъ у насъ совершается такой обрядъ: старуха выгребаётъ изъ печи нѣсколько тлѣющихъ угольковъ въ горшокъ, бережно несетъ въ новую избу, высыпаетъ въ печку и говоритъ при этомъ: „Пожалуй, батюшка—домовой!“ Суевѣрный народъ думаетъ, что при этомъ домовый переходитъ изъ старой избы въ новую.

Этотъ обрядъ завѣщанъ тѣмъ давно минувшимъ временемъ, когда человѣкъ ясно еще сознавалъ всю неисчислимую пользу, какую принесло ему умѣніе обращаться съ огнемъ, всю ту благотворную силу, которая крылась въ лучезарномъ пламени очага; тогда у него сложилось вѣрованіе, что судьба человѣка зависитъ отъ огня его очага: ибо безъ него онъ—ничто, подъ его же защитой онъ—великая сила, которой не страшны ни кровожадные хищники, ни мракъ ночи, ни холодъ полярныхъ странъ...

Я. Бенъ.

ПЕПА.

РАЗСКАЗЪ

Эрнста Альгрень.

Переводъ съ шведскаго О. Аносовой.

КОГДА СНѢГЪ стае́тъ, и стебельки копытника пробиваются по склонамъ овраговъ, смущая сельскихъ хозяевъ и радуя тѣхъ, кто видитъ въ нихъ лишь вѣстниковъ весны,—тогда изъ теплыхъ странъ прилетаютъ огромныя стаи грачей и, опускаясь надъ рощей или кладбищемъ, розыскиваютъ свои старыя жилища въ густыхъ верхушкахъ деревьевъ. Это царство грачей, которое держится здѣсь со временъ отцовъ и дѣдовъ, невольно внушаетъ къ себѣ уваженіе. При малѣйшей тревогѣ всѣ обитатели дружно взлетаютъ вверхъ, носятся въ воздухѣ кругами и поднимаютъ общій крикъ и карканье. Издали эти рѣзкіе, пронзительные звуки производятъ впечатлѣніе почти воплей и проклятій.

Чтобы задержать ростъ этой черной толпы, ежегодно устраивается охота на грачей, когда птенцы ихъ подростутъ. Тяжелое это время для несчастныхъ птицъ. Сердце сжимается при вопляхъ, которые поднимаютъ старики, глядя, какъ птенцы ихъ падаютъ подъ смертоносными выстрѣлами, или летая надъ какимъ нибудь

несчастливымъ раненымъ, который жалобно пищить и трепещетъ крыльями. Нѣсколько вечеровъ подъ рядъ послѣ кровопролитія, при заходѣ солнца, вся стая кружится съ жалобными криками надъ опустѣвшимъ жилищемъ. У грачей сильно развито чувство родства и память.

Это случилось какъ разъ на слѣдующій день послѣ такой охоты. Маленькій почтарь Андерсъ бѣжалъ бо-сикомъ въ припрыжку по холму, поросшему кустарникомъ, направляясь въ барскую усадьбу. Это былъ загорблый, свѣтловолосый, некрасивый мальчуганъ, въ грязной, поношенной холщевой парѣ, съ необыкновенно живыми, быстрыми свѣтлоголубыми глазами.

— Кар, кар, — услыхалъ онъ вдругъ, пробѣгая мимо куста боярышника. Андерсъ оглянулся. На землѣ сидѣлъ молодой грачъ. Летать онъ не могъ и былъ повидимому голоденъ: онъ раскрывалъ клювъ и трепеталъ крыльями. Однимъ движеніемъ руки грачъ былъ пойманъ, несмотря на громкіе протесты всей колоніи. Раны у него не оказалось. По всей вѣроятности онъ просто изъ любопытства забрался на край гнѣзда и по неосторожности свалился на землю во время всеобщей суматохи. Но какъ бы то ни было, почтарь поймалъ его и взялъ съ собой, не обращая вниманія на его страшный пискъ и отчаянные крики всей родни.

У воротъ усадьбы Андерсъ положилъ свое сокровище на землю, а самъ побѣждалъ съ сумочкой во дворъ. Вернувшись назадъ, онъ сразу отыскалъ свою добычу и очень легко поймалъ грача опять: грачи ходятъ очень плохо и совсѣмъ не робки. Счастливый, какъ король, шелъ Андерсъ домой съ непокрытой головой, потому что въ шапкѣ былъ спрятанъ грачъ.

Мать не очень то обрадовалась неожиданному гостю,

но все-таки позволила оставить его, а это для Андерса было самое главное. Онъ подрѣзаль грачу хвостъ большими ножницами; такимъ образомъ у него не было руля, и онъ не могъ летать. Ночлегъ былъ ему устроенъ на нижней полкѣ стараго качающагося углового шкапа, гдѣ онъ долженъ былъ довольствоваться обществомъ деревянныхъ башмаковъ и оббитой бутылки, въ которой было что-то вродѣ сапожной мази. Воздуха было совершенно достаточно, потому что у двери сохранилась только одна петля, на которой она висѣла такъ косо, что оставалось отверстіе вершка въ два.

Андерсъ рѣшилъ назвать своего питомца Пепой по имени умершаго брата.

Пепа выросъ и сталъ очень умнымъ грачемъ. Appetitъ у него былъ безподобный. Большіе куски такъ и проскальзывали въ его широкую розовую глотку, причемъ онъ, какъ истый обжора, выпускалъ гортанные звуки восторга и усердно трепыхалъ крыльями. Но когда инстинкты его дремали, онъ подолгу могъ сидѣть спокойно, такой забавный, разсматривая все своими большими, умными темносиними глазами.

Когда отецъ возвращался домой пьяный, градомъ сыпля проклятій и расточая во все стороны удары, и все забивались въ испугъ по угламъ Пепа тоже со всехъ ногъ улепетывалъ отъ него съ такимъ беспомощнымъ и потѣшнымъ видомъ, точно боялся, какъ бы ему не наступили на короткій хвостъ. По деревенскому обычаю семья ложилась рано. Когда все начинали готовиться ко сну, Пепа забирался въ свой шкафъ, прижимался къ стѣнѣ и засыпалъ сномъ праведника — такимъ тихимъ и крѣпкимъ. Онъ былъ товарищемъ игръ Андерса его забавой, питомцемъ и другомъ. И если про того-

нибудь изъ жителей Сконіи ¹⁾ можно было сказать, что онъ умѣетъ любить по настоящему, такъ это про Андерса.

Такъ прошло лѣто, счастливое лѣто для Андерса. Онъ былъ внѣ себя отъ восторга, когда кто-то сказалъ ему, что грачи могутъ доживать до глубокой старости, и онъ радовался, что его Пепѣ предстоитъ еще долгая жизнь.

Однажды вечеромъ, когда вся семья была въ сборѣ, кромѣ отца, который еще не вернулся изъ усадьбы, самъ баринъ зашелъ въ избу распорядиться насчетъ работъ на слѣдующій день. Андерсъ сидѣлъ на лежанкѣ и стругалъ палочки. Пепа стоялъ передъ нимъ посреди комнаты, сложивъ свои блестящія черныя крылья и умно поглядывалъ своими большими глазами. Никто не крикнулъ ему и не согналъ его, поэтому онъ думалъ, что имѣетъ полное право остаться на мѣстѣ.

Вдругъ баринъ замѣтилъ его.

— Вотъ это такъ! Мало вамъ, что у васъ полна изба мальчишекъ, еще звѣринецъ хотите здѣсь устроить?— крикнулъ онъ, и не успѣлъ никто и оглянуться, какъ баринъ ударилъ Пепу палкой по черной головѣ. — И знать этого не хочу! Лучше откормите вмѣсто него курицу!—прибавилъ онъ, уходя, и съ такой силой захлопнулъ за собой дверь, что щеколда зазвенѣла.

Пепа сидѣлъ на полу, съ полузакрытыми глазами, втянувъ голову въ плечи. Время отъ времени онъ открывалъ свой длинный сѣрый клювъ, точно для того, чтобы зѣвнуть. Андерсъ, блѣдный и испуганный, смотрѣлъ на него.

Мама, Пепа умираетъ!—воскликнулъ онъ.

¹⁾ Сконіей называется южная часть Швеціи.

— Что же теперь подѣлаешь,—недовольно проворчала мать.

— Онъ умираетъ! умираетъ!— снова воскликнулъ Андерсъ, но на этотъ разъ уже въ дикомъ отчаяннѣй, потому что Пепа закрылъ глаза и закачался.

— Ну, что жъ, умираетъ. Чего ты кричишь? — прервала его мать съ раздраженіемъ.

Андерсъ ничего не отвѣтилъ. Молча подошелъ онъ къ Пепѣ и поднялъ его. Маленькая черная головка безсильно упала на его загорѣлую руку. Да, Пепа умеръ.

Бѣдный Андерсъ! Это было его первое тяжелое горе, и ему казалось, что сердце его не выдержитъ и разорвется. Онъ вынесъ Пепу въ сѣни и осторожно положилъ его за дверь, а самъ бросился бѣжать черезъ маленькій огородъ по скошенному полю. Когда онъ убѣжалъ далеко, далеко отъ людей, онъ бросился ничкомъ въ поросшую травой канаву, сдвинулъ лицо руками, прижался къ землѣ и выпускалъ долгіе глухіе стоны, точно отъ сильной физической боли.

Когда совсѣмъ стемнѣло и стихло, и только меланхолическое мычаніе коровъ доносилось издали, Андерсъ всталъ и пошелъ домой. Онъ не произнесъ больше ни разу имени Пепы и похоронилъ его на другой день тихо, не проронивъ ни слезинки. Слезы и рыданія онъ оставилъ въ канавѣ, точно спряталъ ихъ тамъ отъ всѣхъ, затаивъ горечь и чувство мести глубоко въ своемъ сердцѣ.

Прежній почтарь Андерсъ давно уже выросъ. Съ своимъ пытливымъ, стремящимся впередъ умомъ, онъ

много боролся съ жизнью, чтобы выбраться изъ сумерекъ невѣжества. Каждое зерно знанія стоило ему труда и напряженія. Но онъ выдержалъ, спокойный, терпѣливый, неутомимый—и теперь онъ человѣкъ.

Его звучный, сдержанный голосъ можно слышать иногда, хотя и рѣдко, во Второй Палатѣ ¹⁾ Только когда онъ выступаетъ съ рѣчью за бѣдныхъ и угнетенныхъ; каждая нота его голоса дрожить скрытымъ волненіемъ. Но онъ умѣетъ владѣть собой.

¹⁾ Бъ Швеціи дѣла, касающіяся государства, рѣшаются въ Риксдагѣ. Риксдагъ состоитъ изъ двухъ Палатъ. Въ Первую Палату выбираются только богатые люди, а во Вторую всѣ граждане которые платятъ налоги, даже если они происходятъ изъ крестьянъ.

Мой садикъ и огородъ. *)

А вѣдь мы, собираясь похвалиться своимъ садикомъ, обѣщались угостить подругъ и товарищей и овощами съ нашего огорода. Примемся за огородъ. Овощи можно сѣять и сажать въ гряды и не дожидаясь особенно теплыхъ дней.

Вскопать гряды для овощей надо также какъ и для цвѣточныхъ клумбъ, только немного поглубже, выбрать также камни, корни сорныхъ травъ, щепки, прутьики; размѣтить по веревкѣ четырехугольныя длинныя гряды, шириной не болѣе 1 арш. или $1\frac{1}{4}$ ар.; обкладывать ихъ дерномъ не надо, а только прибить бока грядъ деревянною лопатою. Чтобъ земля не осыпалась, бока грядъ надо сдѣлать немного наклонными—вверху гряда будетъ уже, чѣмъ внизу. Между грядами пророемъ борозды шириною въ $\frac{1}{2}$ арш. На двухъ трехъ грядахъ мы посадимъ столько всякихъ вкусныхъ овощей, что можемъ долго ими лакомиться. Купимъ сѣмянъ—сахарнаго гороху, бобовъ, моркови, рѣпы, рѣдиски, сладкой рѣдьки, салата, огурцовъ, укропа, подсолнечниковъ. Овощи очень разборчивы на пищу: то, что, напр., тянутъ изъ земли корешки гороха, совсѣмъ не нравится моркови; то, что любятъ огурцы, не любятъ салатъ или рѣ-

*) См. „Юный Читатель“, № 10.

диска, а потому мы и будемъ сажать ихъ на разныхъ грядкахъ и давать имъ въ пищу то, что каждому нравится. Горохъ и огурцы большіе лакомки, но лакомства у нихъ разныя—а какія именно, скажемъ тогда, когда доберемся до ихъ посадки. Пока примемся за менѣе прихотливыя овощи, которыя довольствуются одной здоровой пищей—черноземомъ, безъ всякихъ примѣсей. Что всѣ овощи любятъ жирный черноземъ, т. е. такой, въ которомъ много перегнившихъ листьевъ, навозу, травы, мы это уже знаемъ, вотъ многія изъ нихъ и довольствуются однимъ хорошимъ черноземомъ и растутъ на немъ прекрасно. Разрыхлимъ хорошенько граблями вскопанную гряду, сравняемъ ее тупой стороной грабелей и примемся за посѣвъ. Сѣмена моркови очень неудобны для посѣва, они покрыты щетинками, зацѣпляють другъ за друга и ихъ трудно разсыпать рѣдко; поэтому перетремъ ихъ сначала руками, щетинки отвалятся, потомъ смѣшаемъ ихъ съ мелкимъ пескомъ, и вмѣстѣ съ пескомъ сѣмена легко разбросать по грядѣ. Крупныя сѣмечки рѣдски и рѣдки посадимъ въ землю, какъ сажали сѣмена настурціи или душистаго горошка, каждое отдѣльно; мелкія сѣмечки рѣпы, салата, укропа будемъ сѣять какъ морковь, разбрасывая по грядѣ. Всѣ овощи будемъ сажать по отдѣльнымъ участкамъ гряды; засѣмъ часть гряды однимъ сортомъ овощей, заравняемъ посѣвъ граблями, проведя легонько нѣсколько разъ по грядѣ тупой ихъ стороной, и отмѣтимъ этотъ участокъ, воткнувъ въ концѣ его палочку. Засѣвая постепенно гряду по частямъ, заравнивая ее послѣ посѣва и отдѣляя одинъ участокъ отъ другого, мы будемъ помнить, чѣмъ засѣяны наши гряды, и если сѣмена взойдутъ плохо, можно подсѣять новыхъ. Укропъ разбрасаемъ по всѣмъ гря-

дямъ, такъ какъ ему не надо долго расти, въ кушанье онъ идетъ тогда, когда еще молодъ, такъ какъ мы постепенно будемъ его выдергивать, то онъ и не заглушитъ нашихъ овощей. Засѣяную гряду надо тотчасъ же полить изъ лейки; у кого лейки нѣтъ, можно поливать, встряхивая надъ грядой мокрой вѣшникъ; вода съ него летитъ брызгами и хорошо смочитъ всю землю. Для лакомки-гороха надо хорошо вскопанную гряду посыпать золой изъ печекъ, просѣянной черезъ рѣдкое рѣшето. Вотъ что онъ любитъ подбавлять къ обычной пищѣ—чернозему! Бобы тоже любятъ печную золу, но вмѣстѣ съ горохомъ сажать ихъ нельзя; горохъ любитъ просторъ, ему нужны высокія тычинки, по которымъ онъ гордо взбирается наверхъ, цѣпляясь своими усами и за тычинки, и за свои стебли и захватывая ими все, что попадаетъ на пути, вотъ почему сосѣдство съ нимъ опасно,—онъ заглушитъ все, что посадимъ вмѣстѣ съ нимъ. Горохъ и бобы дня за два до посѣва надо положить въ воду; когда сѣмена разбухнутъ, воду слить и покрыть ихъ мокрой тряпкой и слѣдить, чтобъ она не высыхала. На третьи сутки, иногда раньше, иногда позже, сѣмена дадутъ ростки, и тогда можно ихъ сажать. Проведемъ сначала по грядкѣ поперекъ бороздки на разстояніи 5—6 вершковъ. Въ бороздки сѣмячки посадимъ такъ, чтобъ между ними промежутокъ былъ тоже вершковъ въ 6, и въ каждой слѣдующей бороздкѣ сѣмена будемъ сажать противъ пустого промежутка, тогда горохъ у насъ вырастетъ на грядѣ такъ какъ стоятъ при игрѣ на шахматной доскѣ шашки или шахматы; простору и свѣту для cadaго растенія будетъ достаточно. Горохъ мороза не боится, а потому его можно сажать на гряды раньше другихъ овощей. Галки, вороны и воробьи очень легко отыскиваютъ

зерна гороха въ землѣ, и случается, что выклевываютъ всю грядку до чиста, а потому если найдутся старыя рыболовныя сѣти или старый рѣдкій холстъ, хорошо натянуть ихъ на колышки надъ грядой съ горохомъ и не снимать, пока горохъ не выростетъ примѣрно хотя на 1 вершокъ. Если для бобовъ нѣтъ отдѣльнаго мѣста на грядѣ, ихъ можно разсадить по краямъ грядъ съ морковью, рѣдической и рѣпой; они не высоки и не будутъ мѣшать; сажать ихъ можно, какъ и горохъ, по 1 2 зерна въ ямки на разстояніи $\frac{1}{2}$ аршина и въ каждую ямку подсыпать немножко золы. Если хотите попробовать въ концѣ лѣта свѣжихъ сѣмянъ подсолнечника, посадимъ и его у себя въ огородѣ. Отдѣльной гряды для нихъ не надо, подсолнечникъ хорошо растетъ только на просторѣ, а потому мы и посадимъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по срединѣ грядъ пророщенные сѣмена подсолнечника и обозначимъ это мѣсто колышкомъ. Разсадимъ мы ихъ рѣдко и непременно по срединѣ гряды, такъ будетъ и красивѣе, и безопаснѣе для самихъ подсолнечниковъ—высокіе стебли ихъ раскачиваются вѣтромъ, и если подсолнечникъ сидитъ близко отъ края гряды, вѣтру легко его раскачать и повалить, такъ какъ корнямъ у края гряды негдѣ хорошо укрѣпиться. А если мы еще кое гдѣ по грядамъ разбросаемъ сѣмена пунцоваго мака, то огородъ нашъ будетъ очень красивъ; зацвѣтетъ въ немъ горохъ бѣлыми и лиловыми цвѣточками, ярко желтые подсолнечники повернувъ свои круглыя, какъ тарелки, цвѣты къ солнцу, красный макъ будетъ гордо посматривать на зеленѣющую кругомъ морковь, рѣдку, рѣпу, а кудрявый салатъ застынчиво свертывать свои вкусныя листья въ крупныя, красивыя клубки. Не надо только сѣять много маку и подсолнечниковъ: своими

сильными корнями они тянутъ много питательныхъ соковъ изъ земли и обижаютъ своихъ сосѣдей.

Покончивъ со всѣми овощами, доберемся мы и до самой прихотливой, но и самой вкусной овощи въ нашемъ огородѣ,—до огурца. И капризникъ же онъ, этотъ огурецъ—и грядку то для него сдѣлай не такъ, какъ для всѣхъ, и посади то, и поливай то иначе, и землю то приготовь особенную! Вскопаемъ грядку подъ него также какъ и для другихъ овощей, но когда будемъ сравнивать бока ея лопатой, сдѣлаемъ ихъ круглые, такъ чтобы гряда походила на опрокинутое вверхъ дномъ корыто. Сверху на средину гряды насыплемъ особенно хорошаго мелкаго чернозема, смѣшаннаго съ *куринымъ навозомъ*—вотъ его лакомство! Вдоль всей гряды по срединѣ по этому насыпанному чернозему сдѣлаемъ передъ самой посадкой бороздку, шириной въ ладонь, съ высокими по краямъ, въ $1\frac{1}{2}$,—2 вершка высоты, валиками. Вотъ въ эту то бороздку и будемъ сажать нашего лакомку. Сѣмена огуречныя за день до посадки надо положить въ мокрый мохъ, обернувъ сначала въ мягкую сырую тряпку; когда они дадутъ ростки, надо ихъ тотчасъ сажать. Положимъ ихъ въ бороздку бокомъ, на разстояніи 3—4 вершковъ, польемъ и засыплемъ сверху мелкимъ черноземомъ. Огурцы не переносятъ холода, потому и сажать ихъ можно только въ концѣ мая; если погода не очень теплая, покроемъ гряды соломой, подъ ней въ бороздкѣ сѣменамъ будетъ тепло и они взойдутъ скоро. Покрывать рогожей или холстомъ не слѣдуетъ, потому что подъ плотную покрывку набираются муравьи и поѣдаютъ у сѣмянъ ростки. Пока огурцы малы, ихъ защищаютъ отъ вѣтра высокіе края бороздки; вырастая, стебельки ихъ тянутся, и тогда съ краевъ бороздки хо-

рошую черноземную землю надо постепенно подсыпать на стебли огурцовъ, пока валики бороздки не заровняютъ углубленіе; тогда крѣпкіе кустики огурцовъ окажутся на верху гряды какъ разъ по ея срединѣ. Огурцы надо хорошо поливать каждый день чистой водой, раза два въ недѣлю надо поливать разбавленнымъ куринымъ навозомъ (пометомъ). Куриный навозъ надо сложить въ кадку, налить водой и время отъ времени размѣшивать палкой, чтобъ онъ хорошо распустился. Для поливки огурцовъ въ лейку съ чистой водой, стоявшей въ кадкѣ день на солнцѣ, надо влить ковшъ два этого куриного удобрения и поливать огурцы подъ корешокъ, снявъ съ носочка лейки ситечко, такъ чтобъ листья оставались чистыми. За такой уходъ наши ланкомки вознаграждать насъ вполнѣ: крѣпкіе кустики огурцовъ дадутъ толстыя, здоровыя плети, которыя надо осторожно расправлять и разстилать по круглымъ бокамъ гряды, чтобъ они сползали по нимъ внизъ. На этихъ плетяхъ появятся сначала желтые цвѣточки, а потомъ на мѣстѣ ихъ крѣпкіе, вкусные огурчики. Недѣли черезъ двѣ послѣ посѣва надо хорошенько выполоть огурцы, да и не одни огурцы, а всѣ наши гряды и цвѣточные клумбы надо очищать отъ сорныхъ травъ, иначе всѣ наши труды пропадутъ даромъ: сорная трава растетъ быстро, тянетъ изъ земли питательные соки и глушить все, что растетъ слабѣе.

Въ концѣ мая и началѣ іюня начинается новая работа — *полоть* сорныхъ травъ, которое нельзя прекращать до тѣхъ поръ, пока всѣ наши цвѣты и овощи не сдѣлаются на столько сильными и большими, что сами будутъ глушить сорную траву. При полотьѣ необходимо продергивать и густо сидящіе посѣвы

овощей, чтобъ *свѣтъ* могъ проникать къ каждому растенію; безъ свѣта ни одно растеніе не окрѣпнетъ и не выростетъ; онъ также необходимъ ему, какъ пища и тепло.

Полотье и правильная поливка вечеромъ и рано утромъ въ жаркіе дни—необходимое условіе, чтобъ нашъ садъ зеленѣлъ и цвѣлъ.

Это надо непремѣнно помнить и исполнять аккуратно, иначе мы не можемъ потомъ похвалиться своимъ садикомъ и сказать: „какъ мой садикъ свѣжъ и зеленъ“.

Ужъ и теперь нашъ садикъ привѣтливо манитъ къ себѣ: зеленымъ бордюромъ обошелъ дернъ всѣ грядки, аккуратно разсажены цвѣты, подлѣ каждаго воткнута чистая палочка, дорожки убиты кирпичемъ, посыпаны пескомъ. Чѣмъ бы еще украсить его, пока клумбы не запестрѣли разными цвѣтами? Сдѣлаемъ еще рѣшетку у каждой клумбы, нарѣжемъ ровныхъ гибкихъ прутьевъ ивы, очистимъ съ нихъ кору, заостримъ концы, согнемъ каждый пруть въ дугу и воткнемъ оба конца въ землю; втыкая такія дуги рядомъ, такъ чтобы одна заходила немного за другую, мы огородимъ всѣ клумбы красивой рѣшеткой, отъ которой садикъ нашъ сдѣлается еще наряднѣе.

Съ нетерпѣніемъ будемъ ждать, когда то распустятся наши левкои, флоксы, зацвѣтетъ душистая резеда. А съ ростомъ цвѣтовъ появятся и враги ихъ—насекомыя, слизни, улитки; какъ бороться съ ними, поговоримъ въ другой разъ. Теперь же пока не забывайте смотрѣть за садомъ и записывать въ тетрадку все, что дѣлаете въ саду и огородѣ, поливайте и какъ можно чище выпалывайте сорныя травы.

Е. Симонова.

Исторія одного брилліанта.

Лѣтъ двѣсти тому назадъ, англичанамъ принадлежали алмазныя розсыпи у Бенгальскаго залива, которыя приносили имъ большія выгоды, хотя онѣ были несравненно менѣе богаты, чѣмъ Трансваальскія. Въ прежніе годы эта копотливая работа предоставлялась исключительно невольникамъ, и несчастные розыскивали брилліанты въ тинѣ, проводя весь день подъ палящими лучами знойнаго солнца, которое немилосердно жгло ихъ бритыя головы. Какъ въ наше время, также точно и тогда необходимо было принимать мѣры для устраненія воровства. Горе тому, кто пытался совершить кражу, потому что жестокіе зоркіе надсмотрщики все время наблюдали за невольниками. Иногда рабу удавалось проглотить найденное сокровище, но и это не приносило ему никакой пользы, — несчастному давали рвотное и снова извлекали украденный брилліантъ на свѣтъ Божій. Вообще за пропажу брилліанта полагалось тяжкое наказаніе. И несмотря на всѣ строгости, хитрые рабы нѣтъ, нѣтъ и опять пытались утаить драгоценный камень. Благодаря подобной кражѣ англичане лишились одного изъ самыхъ замѣчательныхъ камней, который теперь составляетъ драгоценность французскаго государства и носить наименованіе Питта или Регента.

Однажды, погруженный въ свою работу, невольникъ

почувствовалъ, что ему въ руку попался бриллиантъ необыкновенной величины. Продолжая усердно работать, онъ сталъ обдумывать, какъ поступить: отдать ли эту драгоценность, или сохранить ее себѣ? Послѣ долгаго колебанія онъ рѣшился на послѣднее. Ловкимъ движеніемъ онъ отбросилъ камень вмѣстѣ съ вязкой тиной въ довольно высокую траву и въ точности замѣтилъ мѣсто, куда камень упалъ. Ему посчастливилось найти еще бриллиантикъ, правда, не выдающаго достоинства, но который онъ вечеромъ по окончаніи работы могъ сдать начальству. Когда пришло время покинуть поле, нашъ невольникъ пришелъ къ зрителю съ глубокой раной въ бедрѣ, изъ которой струилась кровь; въ рукахъ онъ держалъ острый камень. Невольникъ разсказалъ, что ранилъ себя при паденіи на это остріе и желалъ бы получить помощь отъ доктора изъ колоніи. Докторъ явился и сталъ перевязывать рану; такъ какъ самому же рабу, за неимѣніемъ другого помощника, пришлось помогать при перевязкѣ, то онъ, воспользовавшись этой удобной минутой, искуснымъ движеніемъ вдвинулъ найденный камень вглубь раны. Ничего не подозрѣвая, докторъ забинтовалъ ему ногу. Теперь вся судьба невольника зависѣла единственно отъ того, удастся ли убѣжать изъ колоніи. Нужно замѣтить, что онъ ужъ нѣсколько разъ отыскивалъ очень цѣнные бриллианты и потому находился у зрителей на хорошемъ счету и имъ очень дорожили. Рабъ сталъ жаловаться на нестерпимыя боли въ ранѣ и просилъ разрѣшенія показаться еще другому врачу, который недавно прибылъ на одномъ англійскомъ торговомъ суднѣ. Просьба его была уважена. Но вслѣдствіе болѣзни доктора, которому нельзя было покинуть корабля, онъ велѣлъ, чтобъ больного привезли къ нему. За рабомъ прислали матроса съ этого корабля, и зритель приставилъ на всякій случай къ больному нѣсколькихъ сторожей, которые должны были проводить не-

вольника до берега. На одномъ поворотѣ сторожа нѣсколько отстали, и рабъ, уловивъ удобную минуту, шепотомъ открылъ матросу свою тайну и общалъ подѣлиться съ нимъ выручкой за камень, если онъ поможетъ ему бѣжать. Матросъ придумалъ планъ бѣгства. Когда они прибыли на корабль, то онъ, не явившись начальству, пронесъ мнимаго больного въ свою каюту и велѣлъ ему отдохнуть. Но только невольникъ повернулся, чтобъ вздремнуть, какъ страшный ударъ въ голову, который нанесъ ему матросъ, совершенно оглушилъ его. Черезъ нѣсколько секундъ вѣроломный матросъ завладѣлъ камнемъ. Потомъ онъ стащилъ свою безсознательную жертву внизъ съ лѣстницы на палубу и бросилъ ее въ море... Чтобъ избѣжать мадѣйшаго подозрѣнія въ злодѣйствѣ, онъ тутъ же скомандовалъ: „Всѣ на бортъ“ и объявилъ прибѣжавшему также капитану, что больной рабъ въ припадкѣ горячки бросился черезъ бортъ. Всѣ поиски тѣла оказались тщетными, вслѣдствіе того, что матросъ указалъ собравшимся товарищамъ совсѣмъ не то мѣсто, куда, дѣйствительно, упалъ несчастный. Матросъ же старательно укрылъ свою драгоценность, а по прибытіи въ Англію продалъ ее за 20,000 марокъ. Попойки, игра въ карты, кутежи не въ состояніи были, однако, усыпить голосъ мучившей его совѣсти. Угрызенія совѣсти довели его, наконецъ, до самоубійства, и передъ смертію онъ рассказалъ исторію брилліанта.

Англичанинъ Питтъ, купившій камень, продалъ за три милліона марокъ французскому регенту, Филиппу II Орлеанскому, который управлялъ тогда государствомъ вмѣсто малолѣтняго Людовика XV. Брилліантъ получилъ названіе Регента, подъ которымъ онъ извѣстенъ и до нашего времени.

ЕДИНСТВЕННАЯ ГАЗЕТА ВЪ ГРЕНЛАНДИИ.

На далекомъ сѣверѣ, въ Гренландіи, населенной почти исключительно невѣжественными эскимосами, издается въ настоящее время единственная газета на эскимосскомъ языкѣ. Предпримчивый человѣкъ, вздумавшій выпускать эту газету, является единственнымъ работникомъ въ ней: онъ самъ пишетъ для нея статьи, набираетъ и печатаетъ ихъ и самъ завѣдуетъ разсылкой газеты своимъ подписчикамъ. Она выходитъ разъ въ мѣсяцъ и заключаетъ обзоръ всѣхъ событій на земномъ шарѣ, происшедшихъ въ теченіе мѣсяца. Подписка допускается на годъ и на три мѣсяца; кромѣ того существуетъ и розничная продажа. Такъ какъ у эскимосовъ нѣтъ ни металлическихъ, ни бумажныхъ денегъ, какъ у насъ, они расплачиваются за газету слѣдующимъ образомъ: за годъ—шкура соболя, за четверть года—двѣ утки и за отдѣльный номеръ — по одной курицѣ. Насколько дѣла редактора недурны, видно изъ того, что въ настоящее время онъ уже владѣлецъ деревяннаго дома, окрашеннаго въ бѣлый и красный цвѣта — признакъ большой состоятельности въ этихъ широтахъ.

КАКОЕ УПОТРЕБЛЕНІЕ МОЖНО СДѢЛАТЬ ИЗЪ СТАРЫХЪ ГАЗЕТЪ.

Одинъ американскій журналъ указываетъ на то, что старыя газеты могутъ быть очень полезны въ хозяйствѣ и пригодны для самыхъ разнообразныхъ практическихъ цѣлей.

Прежде всего извѣстно, что онѣ могутъ быть употреблены вмѣсто растопокъ и для огражденія ногъ отъ холода, если завернуть ихъ хорошенько въ газетную бумагу. Газетный листъ вполне можетъ замѣнить собою шерстяные чулки даже для самыхъ зябкихъ людей. Затѣмъ старыя газеты предохраняютъ отъ моли мебель, шубы и платье, такъ какъ запахъ типографской краски также невыносимъ для насѣкомыхъ, какъ напримѣръ, запахъ камфоры. Свойство бумаги не пропускать ни воздуха, ни тепла заставляетъ многихъ оклеивать ею зимнія рамы въ окнахъ. Если обернуть бутылку холоднаго вина въ газетную бумагу, то она можетъ нѣсколько часовъ простоять въ теплой комнатѣ и не согрѣется. Въ Англіи и Франціи изъ старыхъ газетъ выдѣлываютъ для бѣдныхъ дешевыя одѣяла. Въ Лондонѣ нищія очень часто стоятъ на улицѣ, прикрывшись какой-либо газетой и закутываются ею, какъ настоящимъ одѣяломъ.

ВЕЛИЧИНА ДРЕВЕСНЫХЪ ЛИСТЬЕВЪ.

Намъ, европейскимъ жителямъ, трудно себѣ представить, какой величины могутъ достигать листья деревьевъ въ тропическихъ странахъ. Самые большіе листья растутъ на пальмахъ, и въ этомъ отношеніи первое мѣсто принадлежитъ пальмѣ „Иная“, растущей по обоимъ берегамъ рѣки Амазонки. Листья этой пальмы нерѣдко достигаютъ семи сажень въ длину и болѣе сажени въ ширину. Нѣкоторые листья цейлонскихъ пальмъ имѣютъ около трехъ сажень длины и достигаютъ въ ширину до двухъ и болѣе сажень. Туземцы покрываютъ ими свои жилища помѣщенія, и нерѣдко даже устраиваютъ изъ нихъ шалаши, въ которыхъ проживаютъ цѣлыми семействами. Листья кокосовой пальмы также сильно развиваются въ длину и достигаютъ, подъ экваторіальными

широтами, трехъ и четырехъ сажень. Зонтообразные листья магноліи на островѣ Цейлонѣ разрастаются исключительно въ ширину и достигаютъ иногда такихъ размѣровъ, что подъ ними могутъ укрыться отъ дождя пятнадцать чело-вѣкъ. Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть объ огромныхъ щито-видныхъ листьяхъ тропическаго водянаго растенія „Цар-ственной Викторіи“ (*Victoria Regia*). Это растеніе искусственно разводится въ европейскихъ теплицахъ. Листья этого расте-нія достигаютъ 18-ти и болѣе футовъ въ окружности. Экзем-пляръ Викторія-Регіа имѣется въ Петербургѣ, въ импера-торскомъ Ботаническомъ саду.

ИЗДАНИЯ П. П. СОЙКИНА.

Съ требованіями обращаться въ книжный складъ П. П. Сойкина Спб. Стремянная, № 12, собств. домъ. книжный складъ П. П. Сойкина высылаетъ всѣ книги по цѣнамъ, объявленнымъ издателями и магазиномъ. Пересылка за счетъ покупателя по дѣйствител. стоимости.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ШЕСТОЕ ИЗДАНИЕ (П. П. СОЙКИНА)

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИИ

Н. А. ДОБРОЛЮБОВА

въ четырехъ томахъ съ біографіею и портретомъ, автографомъ и бібліографическимъ указателемъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на все изданіе безъ доставки 6 руб., съ пересылкою по всей Россіи 7 руб.

Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 руб., по выходѣ въ свѣтъ II т. 2 руб. и по выходѣ III т. остальные. IV т. подписчики получаютъ бесплатно. По выходѣ въ свѣтъ IV-го тома подписка прекращается, и цѣна на сочиненія Н. А. Добролюбова будетъ возвышена.

ТАЛМУДЪ.

Полный переводъ текста, сдѣланный ориенталистомъ Н. А. Переферковичемъ и снабженный объяснительными примѣчаніями переводчика и наглядными чертежами.

Русскій переводъ даетъ полный и точный текстъ Талмуда, критически восстановленный по сохранившимся рукописямъ и нецензурированнымъ изданіямъ. Переводчикъ стоитъ на строго научной почвѣ внѣ всякихъ полемическихъ или религіозныхъ вліяній и путемъ буквального, всесторонне объясненнаго, литературнаго перевода вводитъ даже совсѣмъ неподготовленнаго русскаго читателя въ чуждый строй талмудической мысли.

Все изданіе „Мишны и Посефты“ будетъ состоятъ изъ 6 томовъ, объемомъ каждый въ 25—35 листовъ большаго формата, и будетъ раздѣлено на 12 книгъ.

Въ отдѣльной продажѣ цѣна каждого тома 2 руб. 50 коп., съ перес. 3 руб.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на все изданіе „Талмуда“ въ 6 томахъ (12 книгъ) 12 руб. Допускается разсрочка (исключительно у издателя) на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ уплачивается 8 руб. и получаютъ первые три тома (6 книгъ), по выходѣ въ свѣтъ IV-го и V-го тт. уплачивается по 2 руб., а VI-й томъ высылается бесплатно.

ЕЛИСВѢВЪ, А. Собраніе сочиненій въ 4-хъ томахъ подъ заглавіемъ: «По Бѣлу-Свѣту».—Очерки и картины путешествій по тремъ частямъ стараго свѣта. Цѣна каждого тома 3 руб., въ переп. 4 руб.

ПРЖЕВАЛЬСКІЙ, Н. М. Путешествія. Состав. по подлиннымъ сочиненіямъ А. В. Зеленина (преподаватель географіи въ Спб. Класс. Гимназіи), въ 2-хъ томахъ, съ рисунк. и картами, около 1000 стр., цѣна за 2 тома 4 руб., въ роскошн. коленк. тиснен. краск. и золотомъ переплетахъ ц. 5 руб.

„Полезная Библіотека“ Серія истор., популяр., науч. и практич. сочиненій цѣна за выпускъ 50 к.

Библіотека Научнаго Обзоренія Серія науч. сочин. по естествозн. философ. и психологіи цѣна за выпускъ отъ 15 к. до 1 руб.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1901 г.
НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ
для дѣтей старшаго возраста

„ЮНЫЙ ЧИТАТЕЛЬ“

Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ: 1-го числа каждаго мѣсяца книжкой, которая заключаетъ одно беллетристическое или научно-популярное произведеніе, а 15-го—книжкой такого же формата, но съ разнообразнымъ содержаніемъ (разсказы, стихотворенія, очерки, біографіи, научныя новости, занятія, анекдоты и пр.).

Программа журнала: 1) Повѣсти, разсказы, біографіи, легенды, стихотворенія (оригинальные и переводные). — 2) Путешествія. — 3) Очерки изъ исторіи отечественной и всеобщей. — 4) Научно-популярныя статьи, знакомящія съ жизнью природы. — 5) Разборъ книгъ. — 6) Смѣсь: свѣдѣнія о разныхъ событіяхъ въ Россіи и за границей, новости изъ міра наукъ, занятія, анекдоты и пр.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: *Allegro, К. Баранцевичъ, Ю. Безродная, В. Вахтеровъ, Э. Вахтерова, Ч. Вятринскій, С. Казовъ-Дехтерева, П. Засодимскій, Из. Ивановъ, П. Инфатъевъ, А. Калмыкова, Е. Колтоновская, И. Кузнецовъ, Д. Маминъ-Сибирякъ, Н. Манасеина, В. Мистевъ, Н. Новичъ, А. Осиповъ, В. Острогорскій, Н. Позняковъ, И. Потанинко, Э. Пименова, Н. Рубакинъ, М. Сабина, В. Сырошевскій, К. Станюковичъ, Л. Хавкина, Е. Чуриковъ, Н. Шликовъ, К. Янута, А. Фальевъ и др.*

Стремясь къ тому, чтобы журналъ могъ проникнуть туда, гдѣ до сихъ поръ не находила себѣ достаточнаго доступа дѣтская книга, редакція назначила за него возможно доступную цѣну:

2 рубля въ годъ

съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи; допускается разсрочка: 1 р. при подпискѣ и 1 р. 1-го мая. За границу 4 р.

Лица, подписавшіяся черезъ книжные магазины, уплачиваютъ сверхъ 2 р. 15 к., которыя поступаютъ въ пользу магазина.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: Спб. Лиговка, (близъ Греческой церкви), д. № 6, въ отдѣленіи конторы: Москва, Петровскія линіи, контора Печковской и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Изд. ж.-вр. Е. Козакевичъ-Стефановская. Ред. ж.-вр. Э. Пименова.
Редакторъ-издат. ж.-вр. А. Острогорская-Малкина.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 14 іюня 1901 года.

